

Библия говорит сегодня

Первое послание к КОРИНФЯНАМ

Дейвид Прайер

С пособием по изучению

Дейвид Прайер
Первое послание к Коринфянам
Серия «Библия говорит сегодня»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2447325
Первое послание к Коринфянам: Мирт; Санкт-Петербург; 2002
ISBN 5-88869-126-7

Аннотация

Послание, адресованное христианам Коринфа, актуально и в наше время. Павел, как апостол Иисуса Христа, с полным правом обращается с наставлениями к коринфской церкви. Он разъясняет, к чему должна стремиться церковь и чего избегать. Он говорит об истинной и ложной мудрости, о браке и безбрачии, о духовных дарах, о богослужении, о христианской свободе. Порой нам не хватает знаний, чтобы самим понять все эти истины. И тогда стоит обратиться к исследованию Дейвида Прайера.

Содержание

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Предисловие автора	5
Основные сокращения	7
Введение	8
1:1-9	14
1:10-17	20
1:18-2:16	28
3:1-4:21	39
5:1-13; 6:9-20	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дейвид Прайер

Первое послание к Коринфянам

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

«Библия говорит сегодня» представляет нам серию книг, посвященных Ветхому и Новому Заветам. Авторы этих книг ставят перед собой три задачи: дать точное изложение и разъяснение библейского текста, связать его с современной жизнью и сделать это так, чтобы читателю было интересно.

Эти книги, следовательно, не являются комментариями, ибо цель комментариев – скорее прояснить текст, чем способствовать его применению. Они больше похожи на справочники, чем на литературные произведения. С другой стороны, нет здесь и чего-то вроде «проповедей», когда пытаются говорить интересно и в духе времени, но без достаточно серьезного отношения к Писанию.

Все, работавшие над серией, едины в убеждении, что Бог по-прежнему говорит с нами через Библию, и нет ничего более необходимого для жизни, здоровья и духовного роста христиан, чем умение чутко внимать тому, что говорит им Дух через Свое древнее – и вечно юное – Слово.

Дж. А. МОТИЕР

Дж. Р. У. СТОТТ

Редакторы серии

Предисловие автора

Впервые послание Павла к христианской церкви Коринфа ожило для меня в Кейптауне, над которым, как и над Коринфом, возвышается гора. Этот город, подобно Коринфу, – морской порт; здесь, как и в Коринфе, слились воедино множество различных культур, верований и культов, и также, как и в Коринфе в 50-е гг. I в., в 70-е гг. XX в. здесь произошло удивительное излияние Божьего Духа на Его церковь.

В первые месяцы 1974 г. народ Божий из прихода Вайнберг (пригород Кейптауна) на занятиях еженедельной библейской школы упорно старался осмыслить содержание Первого послания к Коринфянам. По мере того как обновляющая сила Божьего Духа распространялась среди прихожан, все мы находились в состоянии борьбы, смешанной с напряжением и радостью, как это обычно бывает в подобной ситуации. Появилась возможность поделиться своими исследованиями и опытом христианской жизни с братьями-священниками, проживавшими в епархиальном уединении, со смешанной группой (во всех смыслах) христиан из университетского городка Грэмстаун, с другим приходом из Дурбана. Затем, в 1976 г., представилась возможность рассказать о полученных результатах членам церкви, которая переживала обновление в совершенно иной культуре, не похожей на культуру Англии или Южной Африки, – членам церкви Чили (где мы провели месяц), а также народу Божьему в Буэнос-Айресе.

Было и другое окружение – в Англии, США, Канаде, Бразилии, на Ямайке, в Зимбабве, Уганде и Южной Африке, – где обсуждались проблемы, поднятые в Первом послании к Коринфянам. Нередко это происходило во время конференций или миссий в период между октябрём 1979 г. и мартом 1980 г., в церкви Св. Олдейта, в Оксфорде.

Иными словами, эта книга представляет собой результат жизненного опыта и служения внутри самых разнообразных культур, где церкви переживали Обновление (с заглавной буквы).

На основании этого разнообразного опыта последних семнадцати или восемнадцати лет возникла постоянно крепнущая уверенность в том, что Библия не просто «говорит сегодня», но что Первое послание к Коринфянам – это трактат, актуальный и поныне. Быть может, следует говорить: Первое и Второе послания к Коринфянам, потому что оба коринфских послания раскрывают два аспекта призвания Божьего народа – прославление и страдание.

Баррет К. (в чьих превосходных комментариях, вышедших в серии «A & S. Black», проанализированы тексты посланий) сказал:

«Я считаю, что церковь нашего поколения должна заново открыть апостольские послания, и для этого ей следует обратиться к Посланию к Римлянам. Кроме того, ей надо вновь открыть для себя природу, учение и этику Евангелия – и для этого ей надо обратиться к Первому посланию к Коринфянам. Сделав эти открытия, она вполне может почувствовать свое несовершенство, и это должно послужить толчком для обращения ко Второму посланию к Коринфянам» (1967).

«...Апостольское призвание состоит в том, чтобы проповедовать смерть Иисуса, и те, кто примет это и научится полагаться не на себя, а на Того, Кто воскрешает мертвых, смогут почувствовать триумф Его смерти» (1972).

Я бесконечно обязан Энн Джонсон и Бетти Хо Санг, которые неустанно трудились, помогая мне, печатая и перепечатывая рукопись. Я весьма благодарен Джону Стотту за его вдохновляющие и глубокие комментарии, а также Фрэнку Энтуистлу и членам издательского комитета за их четкую и верную оценку стиля и содержания рукописи.

Несомненно, найдутся читатели, которых не удовлетворит любая трактовка Первого послания к Коринфянам. Молюсь о том, чтобы эта книга, прямо или косвенно, помогла церквям увидеть и решить те проблемы, с которыми народ Божий сталкивается в современном мире. Важно помнить, что «верен Бог», особенно во всех наших испытаниях и бедах.

«Благодать Господа Иисуса Христа с вами».

Дейвид Прайер

Основные сокращения

Alio Le P. E.-B. Alio, *Saint Paul, Premiere Epitre aux Corinthiens* (J. Gabalda, Paris, 1956).
Barclay W. Barclay, *The Letters to the Corinthians* {*The Daily Study Bible*, The Saint Andrew Press, 1954).

Barrett C. K. Barrett, *A Commentary on the First Epistle to the Corinthians* (*Black's New Testament Commentaries*, A. & C. Black, 1968).

Brace F. F. Bruce, *1 and 2 Corinthians* {*The New Century Bible, Commentaries*, Eerdmans and Marshall, Morgan & Scott, 1971).

Conzelmann Hans Conzelmann, *1 Corinthians* (Hermeneia, Fortress Press, 1975).

Dods Marcus Dods, *The First Epistle to the Corinthians* (*The Expositor's Bible*, Hodder & Stoughton, 1889).

Godet F. Godet, *Commentary on St Paul's First Epistle to the Corinthians* (T & T. Clark, 1889), 2 volumes.

Goudge H. L. Goudge, *The First Epistle to the Corinthians* (*Westminster Commentaries*, Methuen, 1903).

Hodge Charles Hodge, *A Commentary on the First Epistle to the Corinthians* (Geneva Series, *Banner of Truth*, 1958).

Morgan G. Campbell Morgan, *The Corinthians Letters of Paul* (Oliphants, 1947).

Morris E. Morris, *1 Corinthians* {*Tyndale New Testament Commentaries*, Inter-Varsity Press, 1958).

Ruef John S. Ruef, *Paul's First Letter to Corinth* (*Pelican New Testament Commentaries*, Penguin, 1971).

Дополнительно см.: Arnold Bittlenger, *Gifts and Graces* (Eng. tr., Hodder & Stoughton, 1967) – комментарии к главам 12–14.

СП Русский синодальный перевод Библии (примечания переводчика).

Введение

Коринф стоял на узком, всего лишь в четыре мили шириной, перешейке, соединяющем Южную Грецию с остальной ее частью, а также со странами, расположенными к северу от нее. Столь удобное местоположение города способствовало тому, что он стал процветающим центром ремесел и торговли: всякий, кто передвигался по суше, проходил через Коринф; мореплаватели, как правило, предпочитали пользоваться морскими портами Лехеем и Кенхреями, примыкавшими к Коринфу с обеих сторон перешейка, вместо того чтобы выходить в открытое море и огибать опасный мыс Малейя на южной оконечности Греции (на расстоянии свыше двухсот миль). С больших кораблей груз переносили из одного порта в другой и там вновь погружали на корабль. Небольшие корабли можно было поставить на колеса, протащить через перешеек и опять спустить на воду на другой стороне. Нерон, правивший Римом в 54–68 гг., даже пытался построить канал через перешеек, но безуспешно. Коринфский канал был завершён только в 1893 г.

Подобно большинству морских портов, Коринф не только был богатым, процветающим городом, но и отличался распущенностью нравов в такой степени, что греки стали обозначать развратный образ жизни словом *korinthiazein* («коринфствовать»), то есть жить, как коринфяне. Гомер говорит о «богатом Коринфе»¹, а Фукидид² упоминает о военном значении Коринфа, обусловленном его стратегической позицией по отношению к морским портам Кенхреям и Лехею. В Коринфе проводились Истмийские игры (букв. «игры на перешейке»), уступающие по своему значению только Олимпийским.

Над городом возвышался коринфский акрополь (Акрокоринф), холм, высотой более 1850 футов, на котором был воздвигнут большой храм Афродиты, греческой богини любви. Когда наступал вечер, тысяча жриц храма (священных проституток) спускались в город и занимались своим ремеслом на его улицах.

«Это был культ, прославлявший сексуальную любовь»³. Поклонение Афродите аналогично культу Астарты (берущему начало в сирийском культе Иштар), распространенному во времена Соломона, Иеровоама и Иосии (ср.: 3 Цар. 11:1–9,33; 4 Цар. 23:13).

У подножия Акрокоринфа поклонялись Меликерт, богу, покровительствовавшему навигации (он же Мелкерт, главный бог, или «ваал», города Тира, чей культ проник в Израиль в IX в. до н. э., когда Ахав женился на Иезавели, дочери царя Тира и Сидона) (1 Цар. 17:идал.). Таким образом, Астарта и Мелкерт стали богами Коринфа непосредственно в результате восточного влияния.

Кроме того, в самом городе был храм Аполлона, бога музыки, пения и поэзии, который также считался идеалом мужской красоты. Обнаженные статуи и всевозможные фризовые изображения Аполлона, показывающие его мужскую силу, вдохновляли поклонявшихся ему мужчин выражать это физически – в любовных отношениях с прекрасными юношами. Поэтому Коринф был средоточием гомосексуализма (ср.: Рим. 1:26 и дал.).

Факторы исторического порядка тоже играли немалую роль в формировании культуры Коринфа, куда Павел прибыл в 50 г. н. э. В 146 г. до н. э. Ахейский союз греческих городов-государств, в течение некоторого времени противостоявший римской экспансии, потерпел неудачу, и Коринф (который возглавлял противостояние Риму) был полностью уничтожен; его жители были убиты или проданы в рабство. В таком состоянии это стратегически

---

¹ *Илиада*. 2.570.

² Фукидид 8.7.

³ J. C. Pollock, *The Apostle* (Hodder & Stoughton, 1969), p. 120.

важное место оставалось в течение столетия, пока Юлий Цезарь не восстановил Коринф и не сделал его римской колонией.

«Римская колония представляла собой маленький Рим, воссозданный на чужих территориях среди иноземного населения для того, чтобы стать центром римской жизни и поддерживать римский порядок. Располагаясь вдоль главных римских дорог (тех военных магистралей, которые вели из Рима к границам империи), колонии римских граждан создавались в стратегически важных местах и играли важную роль в государственном устройстве»⁴.

С 46 г. до н. э. Коринф снова начинает процветать, становясь все более космополитическим городом. Обретя статус римской колонии, он принял часть ветеранов римской армии, которым была выделена земля, чтобы они могли обосноваться здесь в качестве переселенцев. Это влиятельное меньшинство придавало новому городу римские черты, но вскоре в Коринф стали стекаться представители различных рас, религий, языков и культур. Здесь начал селиться торговый люд, купцы и прочие, включая множество евреев. Вот как описывает Коринф Фаррар:

«Это смешанное и разнородное население, состоящее из греческих авантюристов и римских горожан, испорченных влиянием финикийцев; это толпы евреев, бывших солдат, философов, купцов, моряков, вольноотпущенников, рабов, ремесленников, лавочников и пособников любого порока»⁵.

Баркли характеризует его как колонию «без аристократии, без традиций и без прочно обосновавшегося населения»⁶.

К середине I в. Коринф стал символом преступности и порока. Нетрудно найти современный город, похожий на него, хотя, быть может, даже в таких городах, как Сан-Франциско, Рио-де-Жанейро и Кейптаун, не увидишь такого противостояния проповеди Евангелия, как то, которое проявилось в этом городе. Ситуацию, в которой оказался Павел, Поллок описывает так: «Коринф был самым большим городом из тех, которые уже посетил Павел, и представлял собой оживленную торговую столицу... В нем на сравнительно небольшой территории было сосредоточено около четверти миллиона населения, основную часть которого составляли рабы, занятые бесконечными погрузками и разгрузками товаров. Коринф был населен людьми, не имевшими корней, сорванными со своих мест, представлявшими все многообразие рас... необычайно близкая параллель населению „центральной части“ городов XX в.

Павел был свидетелем того, как христианская церковь начинает расти и процветать в относительно крупных городах, которые он встречал в Македонии. Если же любовь к Иисусу Христу сможет пустить корни в Коринфе, самом густонаселенном, богатом, пропитанном духом торговли и помешавшемся на сексе городе Восточной Европы, то она проявит свою силу везде»⁷.

Павел в Коринфе

Зная, каким был этот город, мы не слишком удивляемся, когда читаем, что Павел прибыл в Коринф «в страхе и в великом трепете» (1 Кор. 2:3), – он действительно был напуган. И хотя он был уверен в силе благовестия, хотя видел, как (незадолго до прибытия в Коринф) повлияла его проповедь на афинян, хотя не представлял себе, что с ним могут обойтись хуже, чем в Македонии несколько недель назад, – он все же испытывал страх перед Коринфом, молва о котором распространилась по всему Средиземноморью. Он открыто заявляет

---

⁴ F. F. Bruce, *The Spreading Flame* (Paternoster, 1958), p. 13.

⁵ Quoted in Barclay, p. 4.

⁶ Ibid. J. C. Pollock, *The Apostle*, p. 121.

⁷ J. C. Pollock, *The Apostle*, p. 124.

о своем «страхе и великом трепете», и, вероятно, это говорит о том, что Коринф казался ему каким-то особенно страшным городом, быть может, как никакой другой.

О пребывании Павла в Коринфе, которое длилось полтора года (на более долгий срок он останавливался только в Эфесе), рассказывается в Деян. 18:1—18. Из этого повествования мы можем лишь в общих чертах узнать о некоторых основных фактах его служения. Как и в Эфесе, он занимался здесь своим ремеслом (изготовлением палаток), по крайней мере, первые несколько недель, пока не освоился и не приобрел известность как проповедник и учитель. Дары любви (добровольные пожертвования от церковью Македонии и Филипп, которые позднее доставили Сила и Тимофей) также дали ему возможность полностью посвятить себя проповедованию и учительскому служению. Если судить по его ежедневному расписанию в Эфесе, Павел вполне мог целых восемь часов в день заниматься ручным трудом, а с одиннадцати до четырех пополудни – благовествовать⁸. Учитывая средиземноморский климат, можно сказать, что в жаркое время года это был тяжелый распорядок дня для человека, который явно не отличался крепким здоровьем.

Более подробное исследование рассказа Луки о пребывании Павла в Коринфе еще больше прояснит характер отношений апостола с христианами этого города.

По сравнению с тем жестоким обращением, которое ему пришлось испытать со стороны македонян (особенно в Филиппах), пребывание Павла в Афинах не отличалось ничем особенно новым: он испытывал насмешки одних и вызывал интерес у других, но уверовавших было немного. Тем не менее церковь в Афинах была основана. Апостол прибыл в Коринф совершенно изможденным: давали о себе знать побои, он был духовно не удовлетворен тем, что ему пришлось испытать в Афинах, тяжело переживал разлуку с Силой и Тимофеем и, естественно, трепетал при мысли, что ему лицом к лицу придется встретиться с этим «городом любви».

Есть основания полагать, что Павел прибыл в Коринф в марте 50 г. и оставался там до сентября 51 г. (с разницей примерно в год). Наиболее вероятно, что Первое послание к Коринфянам было написано в начале 54 г. или, возможно, в конце 53 г. (то есть в середине продолжавшегося два с половиной года пребывания Павла в Эфесе).

Проходя по улицам, Павел наверняка обратил внимание на ремесленников, которые, как и он, занимались изготовлением палаток (или кожевенными работами). По-видимому, Павел, еще будучи раввином, счел необходимым иметь дополнительный источник дохода, так как предполагалось, что раввины выполняют свои религиозные и юридические обязанности, не требуя за это никакого вознаграждения. В Киликии, где вырос Павел, одним из распространенных ремесел было изготовление палаток, покрытие для которых делали из козьей шерсти (и называлось оно «сіісііum»). Естественно, Павла привлекло местное ремесло, занятие которым составляло предмет его гордости и доставляло такую же радость, как, вероятно, Самому Иисусу – Его плотницкие работы. В Акиле он узнал своего соплеменника-иудея, и не надо богатого воображения, чтобы представить их первый разговор. Акила и Прискилла уже привыкли к кочевой жизни и с готовностью оказали гостеприимство этому одинокому проповеднику, который, к тому же, оказался апостолом Иисуса Христа.

Трудно переоценить ту поддержку, какую эта встреча, вероятно, принесла Павлу в его «немощи». Бог, по-видимому, в течение всех полутора лет пребывания Павла в Коринфе постоянно его ободрял. Встреча с Акилой и Прискиллой – первый пример такого рода; затем прибывают Сила и Тимофей, которые не только приносят хорошие вести от македонских церковей, но и формируют сильную группу (уже из пяти человек), способную охватить благо-

---

⁸ Ср.: примечания на полях к Деян. 19:9 в RSV вместе с описанием его повседневного образа жизни, о котором мы узнаем из прощальной речи, обращенной к пресвитерам эфесской церкви (Деян. 20:18–35, особенно ст. 34). См. также: 1 Фес. 2:9.

вестию этот самый главный город провинции. Такое совместное служение принципиально важно: оно должно основываться на прочных дружеских узах и сотрудничестве, которые предполагают не только совместную «христианскую» деятельность, но и общность жизненных идеалов. Акила и Прискилла стали ближайшими сотрудниками Павла и по зову Святого Духа были готовы оставить дом и работу, чтобы содействовать распространению Благой вести.

Как всегда, поначалу Павел сосредоточил свое внимание на синагоге и, несмотря на открытое и единодушное противодействие иудейской общины, испытал большой подъем, обратив в веру Криспа, начальника синагоги (Деян. 18:8). Весьма вероятно, что и преемник Криспа по должности, Сосфен (Деян. 18:17), тоже уверовал в Иисуса. Его необычное имя вновь появляется рядом с именем Павла в Первом послании к Коринфянам (1 Кор. 1:1), где он упомянут как соавтор апостола. Нет ничего удивительного в том, что успех проповеди Павла вызвал негодование евреев.

Когда ему, наконец, было запрещено появляться в синагоге, Павел решил проводить свои собрания по соседству. Хозяин дома, некий Тит Иустус (очевидно, язычник), вероятно, имел и третье имя, Гай, под которым он и упоминается в 1 Кор. 1:14 и Рим. 16:23.

Итак, Павлу было предоставлено идеальное место, где он мог общаться как с иудеями, так и с язычниками Коринфа. И действительно, «многие... уверовали и крестились» (Деян. 18:8).

Церковь быстро росла. Множество причин способствовали обретению уверенности и бодрости духа. Однако, по-видимому, Павел все еще находился в подавленном состоянии, был склонен к сомнениям и унынию. Вот как описывает его состояние Джон Поллок:

«Наверное, ему больше не удастся привести к Христу ни одного коринфянина, увидеть в глазах человека искру новой жизни. Вдобавок он боялся боли, которую придется испытать, если его опять станут бить камнями или палками; боялся, что с наступлением зимы они окажутся в одиночестве, когда из-за морских штормов придется на своих больных старых ногах пробираться по узким тропам Пелопонесских гор. Он хотел все бросить, отказаться от проповедования, уйти, чтобы жить тихо и спокойно, вернуться в Таре, Аравию, куда угодно»⁹.

Понимая, в каком бедственном положении он оказался, видя его уныние и желание все бросить, Господь прямо обратился к Павлу в видении, ободряя его, обещая, что его деятельность в Коринфе будет более плодотворной, и рассеивая страх перед новыми гонениями, ибо знал, что Павел уже достаточно натерпелся. Павел сохранил драгоценные воспоминания о христианах Коринфа; они стали для него живым свидетельством верности Богу, Который заботится о Своих утомившихся слугах и ободряет их.

Вероятно, дальнейшее пребывание в Коринфе прошло относительно спокойно: Павел «оставался там... поучая их слову Божию» (Деян. 18:11), неустанно созидая церковь, укрепляя ее и расширяя. Было лишь одно небольшое происшествие, когда во главе провинции встал новый римский проконсул – Галлион, родственник Сенеки, философа и учителя Нерона. Иудеи решили, что появилась возможность арестовать Павла и положить конец угрозе распространения христианства. Но Галлион понимал, что ему следует держаться подальше от возмутителей спокойствия, и Павлу даже не пришлось ничего говорить в свою защиту. Если Сосфен был в ту пору христианином, он оказался единственным, кого побили за приверженность Иисусу. Павлу, вероятно, было тяжело видеть такое, но это, несомненно, должно было еще больше сблизить их в виду общих страданий во имя Христа.

Итак, после полутора лет плодотворного служения Павел покинул Коринф вместе с Акилой и Прискиллой. Свое пребывание в этом городе он всегда вспоминал с большим волнением. Он пришел туда в немощи, и покинул этот город, зная тайну христианского слу-

---

⁹ J. C. Pollock, *The Apostle*, p. 124.

жения: сила Господня совершается именно в немощи (ср.: 2 Кор. 12:7—10). Всегда трудно покидать собратьев по вере, общину, в которой мы познали такие глубокие истины. Это как тяжелая утрата, как если бы ты потерял частичку самого себя. Именно такие чувства испытывал Павел по отношению к коринфской церкви. Коринфяне стали частью его самого, и когда он писал им, то обращался к братьям и сестрам во Христе, которые укрепляли и ободряли его в часы глубокого уныния. Бог сказал ему: «...у Меня много людей в этом городе» (Деян. 18:10), и об этих людях сам апостол говорит так: «...печать моего апостольства – вы в Господе» (1 Кор. 9:2).

Именно в Коринфе Павел основательно усвоил урок, к которому обращается, чтобы выразить в своем послании самое главное: «Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом» (1 Кор. 15:58).

Переписка с коринфянами

Испытывая глубокую привязанность к коринфским христианам, Павел не мог не взяться за перо, когда странные учения стали подрывать единство церкви. Вот что пишет Баррет:

«Ветры многих учений проникали в гавань и распространялись по улицам Коринфа, и тому, кто только недавно стал христианином, наверное, трудно было идти прямым путем... Кроме Павла в Коринфе, конечно же, бывали и многие другие христиане. Некоторые из них несли ту же Благоую весть, другие же – нет... Многие из тех, кого имел в виду Павел, потворствовали спекулятивному богословию, основанному на понятиях *знания (gnosis)* и *мудрости (sophia)*... С полным основанием, наверное, можно считать, что в Коринфе начался тот синтез эллинистических, восточных, иудейских и христианских течений, из которого сформировался гностицизм в его развитой форме...

Павел имел дело с теми, кто хотел стать во главе своей религии и контролировать ее и кто пока еще не знал, что значит жить по вере, а не по собственным воззрениям...»¹⁰

В книге Баррета содержится подробный анализ сложных ситуаций, связанных с перепиской между Павлом и коринфской церковью. Наиболее полезным руководством, помогающим ориентироваться в лабиринте этих проблем, можно назвать книгу Уильяма Баркли¹¹. Главное, о чем следует помнить, – это то, что Первое и Второе послания к Коринфянам в том виде, как мы их знаем, не охватывают (по их собственному свидетельству) всей этой переписки. Так, в 1 Кор. 5:9 упоминается о некоем предыдущем письме. В конце 2 Кор. 12:14 и 13:1,2 Павел говорит, что собирается идти в Коринф в *третий* раз: первое посещение описано Лукой в Деяниях святых Апостолов (Деян. 18), но о втором нам ничего не известно. Во 2 Кор. 7:8 Павел упоминает еще об одном письме, в котором он был слишком суров, поэтому апостол даже пожалел, что отправил его. Речь идет не о Первом послании к Коринфянам, и, к тому же, первые девять глав Второго послания к Коринфянам нельзя назвать жесткими: они, вероятно, самые нежные, теплые и миролюбивые из всех его посланий. Остаются последние четыре главы, в которых, по собственному признанию Павла, содержится вызывающий весьма тягостные чувства материал, и вполне возможно, именно его апостол и не хотел отправлять. В результате можно предположить, что последовательность событий была такой (как полагает Баркли):

1) «Предыдущее послание», которое, вероятно, содержится во 2 Кор. 6:14 – 7:1 (6:13 плавно перетекает в 7:2).

2) «Домашние Хлоины» (1 Кор. 1:11) сообщают Павлу в Эфесе о разделении, происшедшем в Коринфе.

¹⁰ Barrett, pp. 36 ff.

¹¹ Barclay, pp. 6–9.

3) Первые четыре главы были написаны в ответ на письмо, и Тимофей собирается взять их с собой в Коринф (1 Кор. 4:17).

4) Трое (Стефан, Фортунат и Ахаик, 1 Кор. 16:17) привозят дополнительные сведения и письмо из Коринфа: Павел тотчас пишет гл. 5 и 6, а также 7–16 в ответ на это письмо. Затем Тимофей берет в Коринф все Первое послание целиком.

5) Ситуация ухудшается, и Павел предпринимает злополучную поездку в Коринф, после которой дела его идут еще хуже (ср.: 2 Кор. 2:1).

6) Затем с Титом (2 Кор. 2:13; 7:13) он посылает «суровое послание» (2 Кор. 10–13).

7) Павел настолько обеспокоен, что не может дождаться возвращения Тита; он решает встретить его в Македонии (2 Кор. 7:5—13), а затем пишет «Послание примирения» (2 Кор. 1–9).

1:1-9

1. Совершенная церковь

Прежде чем обратиться к тому, как Павел описывает коринфскую церковь с точки зрения Бога, полезно вкратце сосредоточить внимание на ее основных особенностях, отмеченных в этих двух посланиях.

Это была большая церковь, ибо многие коринфяне обратились к Христу. Она включала множество разных группировок под началом определенного лидера. Некоторые христиане вели себя слишком заносчиво: во время братских трапез богатые держались особняком, забыв о бедных. Церковной дисциплины не было почти никакой: царила распущенность, как в нравственном отношении, так и в учении. Они не хотели подчиняться никакому авторитету и нередко подвергали сомнению подлинность апостольства Павла. Бросалось в глаза отсутствие смирения и уважения к другим: одни были готовы тащить своего брата по вере в суд, а другие – праздновать вновь обретенную свободу во Христе, нисколько не обращая внимания на то, что их ближние не столь крепки духом. Одним словом, они жаждали впечатляющих даров Духа и скупались на любовь, укорененную в истине. Вот к такой церкви и обращается с приветствием Павел.

1. Приветствие Павла, обращенное к церкви в Коринфе (1:1–3)

Павел, волею Божию призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат, 2 Церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас: 3 Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Павел представляет себя почти также, как и в начале Послания к Римлянам, Второго послания к Коринфянам, Послания к Галатам, Послания к Ефессянам и Послания к Колоссянам: как апостола, посланного Богом. Следовательно, он с самого начала заявляет о своем апостольском призвании тем коринфянам, которые в этом сомневались.

Приветствие состоит из обычных греческих и еврейских слов, наполненных христианским содержанием: вместо греч. *chaire* («приветствие») Павел использует *charts* («благодарить») и, кроме того, в евр. *shalom* акцентирует внимание на Господе Иисусе Христе.

В ст. 2 для описания церкви в Коринфе Павел использует ряд язвительных фраз. При ближайшем рассмотрении складывается впечатление, что он намеренно обыгрывает корневое слово *kalein* («призывать»). Например, основная тема размышлений Павла (особенно во вступительных отрывках послания) – «Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего» (1:9); «А мы проповедуем Христа распятого... для самих же призванных... Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1:23,24); «Посмотрите, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» (1:26).

Ясно, что мысли Павла сосредоточены на идее *призвания*, когда он исследует природу своих взаимоотношений с коринфской церковью, а также когда вспоминает об обстоятельствах возникновения в Коринфе христианской общины. В принципе, он осознает, что его призвание, а также призвание коринфских христиан (как каждого в отдельности, так и всех вместе) исходит от Бога. Он как будто говорит: «Бог призвал меня стать апостолом, Бог призвал каждого из вас стать святым, наслаждаться общением с Его Сыном, Иисусом». Если бы Бог не призвал его, он не был бы апостолом, а они не смогли бы узнать, что Иисус Христос – это Божья премудрость и сила, не говоря уже о том, чтобы стать Его особым, избранным народом, Его святыми. Этот постоянный акцент на Божьем призвании указывает, что

для характеристики церкви в Коринфе Павел не случайно использует и слово *ekklesia* (букв. «собрание призванных»).

Итак, Бог призывает каждого по имени, и каждый отвечает призыванием *имени Господа* (ср.: ст. 2). Тот факт, что коринфяне, а также бесчисленное множество людей *во всяком месте призывают имя Господа нашего Иисуса Христа*, доказывает, что Бог уже довольно явственно обратил к ним Свой призыв, предоставляя им возможность услышать его и ответить на него.

Таким образом, все слышащие Божий призыв и отвечающие на него, являются членами Божьей *ekklesia*. Бог отделил их Своим призывом и сохранил для Иисуса Христа (*освященные во Христе Иисусе*). Между такими людьми *во всяком месте* существует такая же тесная близость, как между Павлом и коринфскими христианами.

Павел говорит не о своей церкви, а о *церкви Божией*. Он несет ответственность за рождение и жизнь коринфской церкви, как за все, созданное человеком, и, тем не менее, это церковь не Павла, а *Божия*. Нередко мы довольно свободно употребляем выражения «моя церковь» или «наша церковь», и в этой связи полезно указать на вносящий надлежащие коррективы пример Павла. Многие проблемы в церкви на самом деле вращаются вокруг эгоистического желания властвовать, занимать ведущие позиции в жизни и деятельности церкви, что свойственно и пасторам, и отдельным рядовым членам церкви. Вместе с тем, ни один христианин или группа христиан не могут особым образом притязать на Иисуса: Он — *Господь у них и у нас*.

Что касается самого Павла, то для него, вероятно, не было никакого различия между призыванием стать святым наряду со всеми верующими и призыванием стать апостолом: одно было тесно связано с другим, первое сближало его со всеми верующими, а второе ставило особняком от них.

Краткое резюме сути уникального апостольства, вверенного Павлу как одному из первых учеников Иисуса, можно найти в декларации «Евангелие и Дух», впервые опубликованном в 1977 г.¹² В нем говорится: «Благодаря Божественному откровению и вдохновению, эти мужи являлись авторитетными представителями Бога и Его Сына, а также их свидетелями и истолкователями. Их личный авторитет как учителей и наставников – авторитет, дарованный и подтвержденный воскресшим Христом, – был окончательным и не допускал никакого отклонения от того, что они говорили».

Повелев Павлу оставить яростное гонение на христианскую Церковь, Бог призвал его к апостольскому служению. Это призвание не было вторичным по отношению к первоначальному. Так призывается каждый христианин: назначенное нам служение является частью того, что называется спасением во Христе. Быть может, необходимо какое-то время, чтобы это понять и осмыслить, и, тем не менее, каждый христианин призван к служению (ср.: Деян. 26:15 и дал. и Тал. 1:15 и дал.).

Конечно, призвание Павла к апостольству, хотя во многом и отличавшееся от призвания других апостолов (ср.: 1 Кор. 15:8,9), играло решающую роль в утверждении его апостольского авторитета перед коринфской церковью, когда другие (считавшие себя не просто апостолами, но «высшими» апостолами, то есть гораздо более авторитетными и деятельными, чем Павел) подвергали его апостольство сомнению (ср.: 1 Кор. 4:18,19, а также 2 Кор. 10–13). Это заставило Павла задаться глубокими и мучительными вопросами относительно своего призвания к апостольству. Быть может, нам не приходится сталкиваться именно с такой проблемой, однако надо помнить, что призвание к спасению неизбежно подразумевает призвание к служению.

---

¹² Joint Statement of the Church of England Evangelical Council and the Fountain Trust, published as *Theological Renewal Occasional Paper No. 1, April/ May 1977*.

Общину Божьего народа, находившуюся в Коринфе, Павел называет не *частью* церкви, а *церковью Божией* в Коринфе. Равным образом в послании, которое почти наверняка было написано позднее в Коринфе, он говорит о домашней церкви Акилы и Прискиллы (Рим. 16:5). Иными словами, идет ли речь о христианах, собравшихся в каком-нибудь населенном пункте, или просто у кого-нибудь в доме, между ними нет никакой разницы, кроме численности. Церковь – это единое целое. По существу, здесь мы находим библейское обоснование для того, чтобы рассматривать любую домашнюю церковь как церковь изначально, сформировавшуюся из этого первоначального единства¹³.

Несколько интригующе звучит упоминание о человеке по имени *Сосфен*, который выступает как соавтор Павла. Хотя, несомненно, это имя было достаточно известно в то время и можно предположить, что речь идет о том Сосфене, который стал начальником синагоги вместо Криспа, обратившегося к Христу (см.: Деян. 18:8 и 17). Тот факт, что Павел упоминает о Сосфене без каких-либо пояснений, показывает, что последний был хорошо знаком христианам Коринфа. Обращение в веру двух ведущих служителей иудейской общины, совершившееся одно за другим, вероятно, повергло их всех в некоторое смятение. Похожая ситуация сложилась в Оксфорде в начале 1960-х гг., когда «Общество гуманистов» переживало расцвет. Его председатель обратился в христианскую веру, в результате чего было решено созвать чрезвычайное собрание общества. Однако новый председатель тоже обратился в веру через несколько недель, и опять возникла необходимость во внеочередном собрании. Случай с Сосфеном должен вдохновлять нас проповедовать Иисуса Христа тем, кто, казалось бы, самым прочным образом укоренился в своей официальной должности и занимает несовместимую с верой позицию.

Уверенность Павла в коринфской церкви (1:4–9)

Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе, 5 Потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, – 6 Ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, – 7 Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа, 8 Который и утвердит вас до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа. 9 Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего.

Единственное, что большинство людей знают о коринфской церкви наверняка, – это то, что в ней царил полный хаос со множеством проблем, грехов, разобщением и ересью. В этом смысле она ничуть не отличается от любой современной церкви. Церковь – это сообщество грешников, а не святых. Даже когда речь заходит о церквях, имеющих прекрасную репутацию, их члены и пасторы хорошо знают, что эти церкви полны немощи и греха. Печально то, что недовольные члены таких церквей нередко наивно полагают, будто в какой-то другой церкви дела идут намного лучше. Это создает предпосылки для перехода из одной церкви в другую. Наверное, одно из самых лучших противоядий для такого рода болезни – это снова обратиться к словам Павла из 1 Кор. 1:4–9, где он говорит о печально знаменитой своими беспорядками коринфской церкви.

Нам следует запомнить основную истину: Павел, прежде всего, смотрит на коринфскую церковь как церковь *во Христе*, и лишь потом принимает во внимание какую-либо другую истину о ней. Это строгое утверждение веры редко укореняется в поместных церквях. Там изучают наличие каких-то досадных мелочей и сетуют по их поводу, однако часто совершенно не видят того, что Бог уже сделал во Христе. Если первые девять стихов послания вырвать из контекста, любой читатель придет к довольно печальному выводу относительно положения в коринфской церкви. Заявления о вере, надежде и любви, часто повторяющи-

¹³ Относительно дальнейших выводов по этому поводу см. мою работу: *The Church in the Home* (Marshalls, 1983).

еся в тексте, потеряют тогда свой контекстуальный смысл и станут не более чем благочестивыми мечтаниями. Утратив перспективу, намеченную в ст. 4–9, сегодня народ Божий погибает во многих уголках земли: он или становится церковью, возлагающей надежды на серьезное духовное возрастание до достижения зрелости, или каждый в отчаянии заставляет другого прилагать больше усилий, больше молиться, больше верить и больше действовать, поскольку только это кажется правильным.

Если на самом деле верно, что домашняя церковь и церковь в каком-либо регионе ничем не отличаются друг от друга, кроме численности, тогда сказанное Павлом о коринфской церкви *во Христе* представляет собой точное описание *любой* Божьей церкви. Его уверенность в коринфской церкви основывается на великодушии и верности Бога.

1) *Церковь сполна наделена всеми Божьими дарами (4–7)*

«Благодать Божия, дарованная вам...», «в Нем вы обогатились всем...», «вы не имеете недостатка ни в каком даровании» – таковы три утверждения, свидетельствующие о великодушии Бога по отношению к искупленным грешникам Коринфа. Важно сразу же подчеркнуть, что эти утверждения относятся ко всей Божьей церкви в Коринфе, а не к отдельным верующим. Если мы хотим постичь полноту Божьего благословения, если хотим на опыте пережить все дары Его благодати, которые являются нашими во Христе, нам следует стремиться к единению с другими верующими. Никто в отдельности не может утверждать, что «не имеет недостатка ни в каком даровании», – и об этом ясно свидетельствуют гл. 12 и 14 Первого послания к Коринфянам.

Однако потенциально поместная церковь на *самом деле* обладает всеми дарами в своей корпоративной жизни и должна с молитвой уповать на то, что Бог даст возможность этим дарам созреть. Отдав нам Своего Сына Иисуса, Бог отдал все, что у Него было, больше Ему нечего дать, а потому в Нем мы имеем все. Если мы хотим, чтобы постепенно эти дары стали реальностью нашей церковной жизни, то должны полнее войти в богатство Его благодати и, кроме того, должны быть готовы увидеть Его *явление* (7), Его раскрытие. Такая надежда обладает внутренним потенциалом, помогающим двигаться вперед в уповании на то, что мы, как церковь, призваны стать невестой Христа, потому что тогда (и только тогда) мы обретем реальную полноту, предназначенную нам во Христе.

Говоря о дарах Божьей благодати¹⁴, Павел особо подчеркивает, что церковь обогатилась *всяким словом и всяким познанием*. Здесь используются два слова, *logos* и *gnosis*. Вполне вероятно, что Павел сосредоточивает свое внимание на этих двух группах даров, так как коринфяне практиковали именно их (ср.: гл. 12–14). Кроме того, здесь, вне всякого сомнения, содержится раннее упоминание о распространявшемся учении гностицизма; речь идет о смешении разного рода ересей II в. (дающем о себе знать уже в середине I в.), о сути которых до сих пор нельзя говорить с полной уверенностью; эти еретические течения, оформившиеся в гностицизм, привели к образованию духовной элиты, претендовавшей на то, что лишь она обладает истинным знанием, лишь она может выразить его словами и лишь она имеет настоящий авторитет для того, чтобы направлять жизнь церкви и руководить ею¹⁵.

Павел непреклонен в своей уверенности, что Бог полностью одарил все собрание дарами познания и слова, и, без сомнения, он также имеет в виду конкретных друзей из Коринфа, наделенных различными дарами. Говоря о дарах слова, он, вероятно, подразумевает такие дары, как пророчество, наставление, проповедь, благовестие, говорение на языках и их истолкование, а также любое использование дара слова, содействующее созиданию

¹⁴ Слова *charis* («благодать») и *charisma* («дар») восходят к одному и тому же корню.

¹⁵ Полезное резюме о коринфской ветви гностицизма, насколько его особенности можно проследить в этих посланиях, содержится в комментарии К. Баррета ко Второму посланию к Коринфянам (pp. 36–42). Дик Лукас (см.: *The Message of Colossians and Philemon: Fullness and Freedom* [IVP, 1980]) выделяет семь аспектов того, что называется «колосской ересью», многие из которых, вероятно, в зачаточном состоянии присутствовали и в Коринфе (pp. 22–24).

церкви. Что же касается познания, то церковь как единый организм имеет доступ ко всякой мудрости, ведению, различению и истине (Кол. 2:3), следовательно, она не нуждается в каких-то особых учителях-гуру (ср.: 1 Ин. 2:20 и 27).

По отношению к проповеди Павел делает два важных замечания (иногда в завуалированном виде) в довольно трудной для понимания фразе: *Ибо свидетельство Христово утвердилось в вас* (6). Смысл, вероятно, таков: по мере того как сам Павел на протяжении полутора напряженных месяцев возвещал Божьей церкви в Коринфе о «неисследимом богатстве Христовом» (ср.: Еф. 3:8), ее члены стали ценить все богатство своего наследия как детей Божьих и постепенно переживать это на опыте. Иными словами, они обогатились соразмерно качеству и ясному преподнесению истины в проповедях Павла. Следовательно, два замечания, сказанные здесь о проповеди, таковы: во-первых, привилегия и обязанность проповедника заключается в том, чтобы раскрывать и объяснять все, что принадлежит нам во Христе; во-вторых, одного лишь произнесения проповеди недостаточно: необходимо, чтобы она утвердилась (букв. «закрепилась») в жизни слушателей, и для этого нужна работа Божьего Духа (1 Фес. 1:5), вселяющего в нас уверенность, просвещающего нас и приносящего нам веру.

Таким образом, церковь полностью наделена всеми дарами Божьей благодати. Их надо отыскать, объяснить и усвоить. Чтобы это произошло, проповедь должна свидетельствовать о вечном богатстве Христа. Такая проповедь предполагает действие Духа, необходимое для того, чтобы это богатство укоренилось в жизни христианской общины.

2) Церковь будет полностью утверждена верностью Бога (8,9)

Павел не только весьма высокого мнения о возможностях Божьей церкви в Коринфе, но и полностью уверен в том, что в будущем Господь ее не оставит. С чем бы ей ни пришлось столкнуться, Павел не сомневается в верности Бога: Он призвал членов церкви в общение Его Сына, Он же *утвердит* (здесь употреблено то же самое слово, что и в ст. 6) их до конца. Фраза из ст. 9 (*koinonia* Иисуса Христа) может означать или то, что церковь представляет собой *общение* Иисуса Христа, то есть сообщество людей, призывающих Господа Иисуса и принадлежащих Ему, или то, что Бог призывает нас стать причастными Его Сыну, Иисусу. Второе истолкование представляется более предпочтительным, особенно ввиду того что позднее Павел вновь обращается к этой истине, стремясь заострить внимание на том, сколь греховно разделение по принципу принадлежности к тем, кто «только служители, чрез которых вы уверовали, и притом по скольку каждому дал Господь» (1 Кор. 3:5).

Если мы, по воле Самого Бога, призваны приобщиться к Его Сыну, Иисусу Христу, тогда Бог не покинет нас и не откажется от Своих обетований. Таков смысл слова *pistos* («верный»). Мы можем полностью положиться на Бога: Он не человек, Он не может отказаться от Самого Себя и, следовательно, всегда будет верен Своему слову. Он Сам обязал Себя перед церковью «совершенством святых» (ср.: Рим. 8:28–30).

Предел, полагаемый Богом, – это не просто конец жизни каждого отдельного человека, о котором Он, конечно же, Сам заботится: речь идет о *дне Господа нашего Иисуса Христа* (8). Если мы обратимся к развитию этой темы в послании, нам станет ясно, что этот день означает полное раскрытие (откровение) подлинной природы Иисуса Христа, раскрытие истинного качества нашего служения во имя Христа (3:10–15), а также во имя внутренних побуждений и помышлений нашего сердца (4:5). Это день (с радостью предвосхищаемый в каждом совершении Господней трапезы), когда мертвые во Христе воскреснут (15:23,52) к нетленной жизни, которую Павел называет «духовным телом» (15:44). Итак, это день, наступления которого Павел жаждет, выражая это в своей молитве в конце послания (16:22): *Маранафа* — «Господь наш грядет!»

Божья верность простирается до этого дня и за его пределы в полноту вечности. Бог сохранит Свой народ *неповинным* в этот день, то есть тогда, когда раскроются тайны чело-

веческого сердца и мы будем испытывать законный страх, что, в конце концов, будем признаны виновными перед Ним. Бог сделает так, что никакое обвинение не будет воздвигнуто против Его народа, как со стороны людей, так и со стороны сатаны, великого «клеветника братьев наших» (Отк. 12:10).

В этот день всем станет ясно, что именно Бог оправдывает, и тех, кого Он оправдал, Он тем самым и прославил (ср.: Рим. 8:33). В этот день главенство принадлежит Иисусу, это Его день, Он решает и определяет. Так как нас призвали стать Его причастниками, в этот день мы становимся причастниками и Его верховенства. Как бы то ни было, Новый Завет учит, что мы будем судить вместе с Иисусом Христом (ср.: 1 Кор. 6:2,3).

Если мы призваны стать причастниками Иисуса, то должны пребывать в Нем (ср.: 1 Ин. 2:28 и дал.), ибо это единственный способ постепенно Ему уподобиться. Когда мы, благодаря Божьей благодати, постоянно действующей в нас, уподобимся Ему, всякая вина и даже ее причина перестанут существовать. Эту радикальную цель и преследует Бог, призывая нас приобщиться к Своему Сыну.

В отношении нашего восприятия поместной церкви практическое значение этой «славной надежды» становится достаточно ясным. Оно наверняка должно означать, что мы безоглядно преданы Божьей церкви там, где оказались по Его воле, что неколебимо верим в желание и способность Бога уподобить церковь, в которой мы находимся, Иисусу Христу и что мы целиком и полностью уверены: Он призвал нас стать святыми, как свят Он Сам. Таковы выводы, к которым Павел приходит в остальной части послания.

1:10-17

2. Оппозиция в Коринфе

Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. 11 Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. 12 Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». 13 Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? 14 Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, 15 Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. 16 Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю. 17 Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова.

Возвышенное представление Павла о церкви (как о церкви в Коринфе, так и вообще) привело и к тому чувству горечи, которое он, должно быть, испытал, услышав о раздорах и распрях среди коринфских христиан: *Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры (II)*. Все указывает на то, что эта новость крайне огорчила Павла. Он и так достаточно знал о происходящем в поместной церкви, и потому не слишком удивился услышанному, но все-таки был сильно удручен. На это указывает тот факт, что дважды (в ст. 10 и 11) он называет коринфских христиан *братия*. Существование христианского братства лежит в основе его призыва к единству: если Иисус Христос Своей благодатью собрал их воедино, если они – Его причастники, тогда им надо «стать тем, чем они являются» (...*Умоляю вас... именем Господа нашего Иисуса Христа...*).

Что же стало причиной этого разделения? Явные и скрытые причины вырисовываются в ст. 12–17. По-видимому, в ранней церкви возник культ определенных личностей, главными из которых стали трое: Павел, Аполлос и Кифа (Петр), причем почти наверняка никто из них не давал для этого ни малейшего повода. Однако, судя по ст. 13–17, могли быть и другие причины для беспокойства: например, складывается впечатление, что крещение превратилось в проблему. Быть может, зарождалась какая-нибудь ересь, проводившая различие между «Иисусом истории» и «Христом веры»¹⁶.

Что бы ни послужило причиной формирования этих группировок, возникли распри и раздоры (*споры* [11] – слишком слабый перевод в данном случае). Полезно проследить различные стадии на пути к разделению. В 11:18,19 Павел снова упоминает об этих «разделениях». Он с большим неодобрением воспринимает тот факт, что неизбежному «разномыслию» было позволено разделить Тело Христово и произвести «раздор». Иными словами, внутри поместной церкви с неизбежностью должны существовать различные точки зрения и идеи: словом «разномыслие» в 11:19 переведено греч. *haireseis* (куда восходит и слово «ересь»), корневое значение которого – «выбирать». Все христиане в разные времена акцентируют внимание на различных аспектах истины. Такой выбор неизбежно заостряет внимание на одном или двух конкретных вопросах, уводя в сторону от других аспектов истины. Это допустимо, если не необходимо, до тех пор, пока такое действие осмысливается адекватно, то есть именно как определенный выбор. Когда же христианин или группу христиан занимает лишь один аспект истины, причем настолько, что они перестают замечать всю ее полноту, как она присутствует в Иисусе, делают из нее исключения или вообще ее отвер-

¹⁶ В своем вступлении ко Второму посланию к Коринфянам, а также в комментарии на 5:16 и 11:23 об этом пишет К. Баррет (см. прежде всего: pp. 41–42).

гают, тогда ситуация принимает опасный оборот. Именно тогда выбор становится ересью, и хорошо видно, кто «искусный» (11:19), а кто нет.

Павел озабочен необходимостью научить коринфскую церковь правильно пользоваться тем, что мы назвали «выбором». Когда несколько христиан начинают заострять внимание на одном аспекте истины, им надлежит осознать, к чему это может привести, а остальным не относиться к этому отрицательно. Коринфяне допустили, чтобы акцентирование на отдельных аспектах истины переросло в формирование группировок, не желавших общаться между собой. Выбор привел к возникновению раскольничьих групп (словом *разделения* переведено греч. *schismata*, куда восходит «схизма» [церковный раскол] и которое букв. означает «отсекать»). Между различными группами воцарилась открытая борьба.

1. Четыре партии

Основная проблема заключалась в том, что все эти группировки умудрились отвернуться от Господа Иисуса Христа. Каждая поддерживала того или иного человека¹⁷. У каждой был свой девиз. Важно понять природу каждой группировки, потому что все они регулярно появлялись в церкви. Интересен (хотя и печален) тот факт, что Климент Римский (писавший приблизительно в 95 г.) говорит о тех же самых группировках и разделениях (он не упоминает лишь «партию Христа»), что существовали в Коринфе и во времена Павла. Таким образом, через сорок лет проблема не исчезла. Это свидетельствует о том, что нам следует быть настороже, ибо в любые времена могут появиться тенденции к разобщению. А теперь рассмотрим каждую группу.

1) Партия Павла

«Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (4:15). Очевидно, в Коринфе было много людей, которые по этой основной причине испытывали довольно сильную привязанность к Павлу. Он привел их к вере, и они были перед ним в неоплатном долгу. Полное преобразование, которое Бог совершил в их жизни, выведя из кромешной тьмы язычества к чудному свету Евангелия, заставляло их испытывать благодарность по отношению к Павлу за совершенные ради них труды. Поэтому все, что бы он ни говорил или якобы говорил, эти люди воспринимали *дословно*. Вероятно, любого другого они оценивали как человека в той или иной мере второстепенного. Да, уже прошло несколько лет, как Павел покинул Коринф, но память о нем продолжала жить.

Наверное, нет ни одного пастора, который, придя в церковь, уже имевшую какую-то историю, не обнаружил бы в своей общине чего-нибудь, подобного «партии Павла». С течением времени эти люди отворачиваются от Господа и постоянно вспоминают «старые добрые времена».

Баркли полагает, что партия Павла акцентировала внимание на христианской свободе и конце закона. Однако Павел упоминает имена, а не богословские проблемы, и это заставляет думать, что данная точка зрения несостоятельна. Сегодня в поместных церквях очень часто наблюдается такая картина: какие-либо различия кристаллизуются вокруг определенных лиц (находящихся внутри данной церковной общины или в более широких церковных кругах) и затем переносятся в сферу доктринальных споров. Вполне может иметь место настоящее богословское разногласие, но «раздор» возникает в силу неприязненных личных отношений. Если Божья любовь действительно контролирует такие отношения внутри церкви, то сферы разногласий обретают характерную для них перспективу и не доводят до «раздора», не говоря уже о «расколе»¹⁸.

---

¹⁷ В слове «раздор» слышатся отзвуки личностных разногласий.

¹⁸ О проблеме христианской веры и необходимости помещать ее в соответствующий контекст христианской любви пишет Фрэнсис Шеффер, см.: *The Mark of the Christian* (IVP, 1971).

При ближайшем рассмотрении так называемые «личностные столкновения» являются всего лишь нашей неспособностью или даже нежеланием дать Божьей любви возможность изменить нас в наших взаимоотношениях друг с другом. Мы позволяем богословским расхождениям (а не Божьей любви) определять качество, степень открытости и глубину наших отношений. Например, характерное для западного человека стремление быть отстраненным и объективным при рассмотрении той или иной ситуации дает возможность (как нам кажется) анализировать разногласия, возникшие в церкви, осторожно и с оглядкой на Библию. Мы можем вести себя подобным образом, сидя в одной комнате с теми, кто с нами не согласен, – и ни разу не посмотреть друг на друга просто как на людей, не говоря уже о том, чтобы увидеть друг в друге братьев и сестер во Христе. Мы расстаемся, уверенные, что настоящая проблема была именно богословской, тогда как на самом деле, в силу того самого отчуждения, мы не дали Божьей любви внести в наши отношения гармонию и доброжелательность. После этого мы заявляем, что причина возникшего раскола – богословские расхождения.

По-видимому, именно так и обстояли дела во время того разделения, которое возникло в Британии в 1960—70-е гг. в связи с харизматическим обновлением. Пятнадцать лет доктринального разногласия препятствовали всякой попытке на государственном уровне построить отношения, основанные на взаимной любви. Доктринальный спор привел к разделению, но попытка установить дружеские отношения между людьми дала значительный рост взаимному доверию и доброжелательности¹⁹. Если (как говорит Павел в 1 Кор. 13) любовь имеет основополагающее и первостепенное значение, тогда мы просто должны стремиться к установлению и поддержанию добрых отношений, при наличии которых можно обсуждать богословские расхождения, не утрачивая Божьей любви.

Партия Павла почти наверняка возникла в ответ на образование в Коринфе других групп, формировавшихся вокруг упомянутых лиц. До тех пор, пока не появились эти другие группы, каждый, вероятно, поддерживал Павла. Иными словами, сторонники Павла ответили на появление различных группировок тем, что сформировали свою группу. Ведь так легко в ответ на «плотское поведение» (о котором Павел говорит в 3:1,4), возникшее в церкви, прибегнуть к таким же мирским методам, вместо того чтобы вооружиться силой Святого Духа.

2) *Партия Аполлоса*

Хотя об Аполлосе сведений относительно мало, то, что мы знаем, рисует нам его ясный портрет и дает удовлетворительное, хотя и гипотетическое объяснение причин, по которым он стал во главе формирующейся коринфской группировки. Согласно Деяниям святых Апостолов (Деян. 18:24–19:7), Аполлос пришел из Александрии Египетской, вероятно, самого известного и передового университетского города Средиземноморья. Как известно, Таре был «не меньше», но все же Александрией он не был: когда в Коринф пришел Аполлос, с его интеллектом, красноречием, умением толковать ветхозаветные Писания, с его взвешенным и выверенным учением об Иисусе, с его горячим рвением, публичным и властным противостоянием иудеям и смелой проповедью, – не было ничего удивительного в том, что он стал привлекать к себе людей.

В Эфесе Акила и Прискилла приютили его и осторожно придали его служению новое и более верное направление (Деян. 18:26). После этого Аполлос совершал бесценное служение, работая с молодыми верующими. Лука особо отмечает, что «он... много содействовал управованшим благодатию» (Деян. 18:27), как своим возвещением Иисуса как Мессии, так и

---

¹⁹ Декларация «Евангелие и Дух», опубликованная в 1977 г., стала плодом этого сближения на четырех однодневных конференциях, проходивших в течение полутора лет. Декларация начинается так: «Мы рады, что это сделали (то есть встретились таким образом), и признаем, что наша неспособность поступить так раньше, вероятно, способствовала тому, что непонимание и поляризация мнений неоправданно затянулись» (см. выше: с. 18).

преподнесением христианам более обстоятельного учения с целью укрепить их в столкновениях с враждебно настроенными иудеями²⁰.

Некоторые считают, что, в силу своего образования, Аполлос, сам того не желая, мог способствовать формированию в коринфской церкви чего-то, похожего на интеллектуальную элиту. Что касается молодых христиан, то они, конечно же, могут увлекаться какой-либо личностью, высоко ценя дары и добродетели красноречивых ораторов, особенно тех, кто действительно помогает своим учением и наставлением. Аполлос, вероятно, недолго пробыл в Коринфе, однако для некоторых этого оказалось достаточно, чтобы успеть сравнить его с Павлом (причем не в пользу последнего), который не уступал Аполлосу в рвении или знании ветхозаветных Писаний, но (по собственному признанию апостола) не обладал большим красноречием (ср.: 2 Кор. 10:10 и 1 Кор. 2:3,4). Конечно же, не стоит обвинять Аполлоса (как это делает Баркли) в том, что он придал христианству интеллектуальный характер, однако в то же время надо признать, что когда какая-нибудь группа христиан начинает учиться только у избранных ими гуру, дело может дойти и до раскола²¹.

3) *Партия Петра*

Вероятно, все согласны с тем, что «группа Кифы представляла собой определенный вид иудео-христианства»²². Петр, наверное, сам посетил Коринф, что и стало причиной возникновения этой группировки. Некоторые из его последователей, по-видимому, тоже побывали в этом городе и обозначили «линию партии». Существует много свидетельств наличия в коринфской церкви законнических тенденций, особенно в споре о том, как поступать с идоложертвенной пищей (гл. 8—10). Достаточно прочитать о столкновении Павла с Петром (Гал. 2) по поводу законов о еде, чтобы понять, что проблема «кошерной» пищи по-прежнему напоминала тлеющий огонь в отношениях между апостолом язычников и тем, кому было «вверено благовестие для обрезанных» (Гал. 2:7). С самого начала среди коринфских иудеев было немало обращений к Иисусу как Христу, но искушение вернуться к законничеству, вероятно, оказалось очень сильным, особенно в коринфском обществе, печально известном своим распутством.

Первый порыв новой жизни в Духе нередко открывает путь для крайне негативного и сурового законничества, особенно в семейной жизни тех, кто отверг идолопоклонство и обратился к евангельской свободе. Когда воодушевление иссякает, о себе заявляет «надежный» путь, который часто представляет собой букву закона, лишённую Духа. В этом стремлении отражается наше естественное желание иметь четкие ориентиры веры и поведения, вместо того чтобы, сторонясь крайностей распущенности и законничества, сохранять строгое послушание Духу.

Сегодня можно привести немало примеров подлинного обновления в Духе, незаметно превращающегося в такой вид законничества, когда некие учителя усиленно говорят о важности соблюдения конкретных, внешних норм поведения, о строгом соблюдении обязанностей перед церковью и об особых структурах для пастырского надзора. Многие христиане чувствуют себя уверенно в такой смиренной рубашке. Дело доходит даже до того, что о наличии подлинной духовности судят по внешним свидетельствам²³. Кажется спорным,

²⁰ Александрия была средоточием ветхозаветной экзегезы и местом появления Септуагинты, греческого перевода Ветхого Завета.

²¹ Для александрийского раннего христианства были характерны гностические тенденции. Говард Маршалл сказал: «Вряд ли стоит удивляться, если там Аполлос усвоил некий искаженный вид христианства... Можно предположить, что в дальнейшем Акила и Прискилла преподавали ему учение, характерное для Павла» (*Acts. Tyndale New Testament Commentaries* [IVP, 1982], pp. 303f.).

²² Barrett, p. 44.

²³ Например, восточно-африканское Возрождение (выступающее под названием «Балокеле») породило движение в движении, предназначенное для «вновь возрожденных», однако на самом деле его характерные черты проявляются в особом поведении.

что не критические призывы вернуться к первоначальной апостольской практике, как она предстает на страницах Деяний, представляют собой сходную тенденцию, выступающую под девизом «Назад в Иерусалим». Ясно одно: нам надо постоянно быть настороже, противоборствуя всякому сведению сущности христианства к перечню правил и запретов: «Ты должен делать это. Ты не должен этого делать...»

4) *Партия Христа*

На первый взгляд, существование группы с девизом «Я Христов» кажется странным и маловероятным²⁴. Однако сегодняшний опыт как нельзя лучше подтверждает вневременную правоту сказанных Павлом слов. Всюду, где Божий Дух совершает Свою работу, всегда формируется группа, довольно легко относящаяся к любому человеческому руководству. Само наличие в Коринфе трех группировок, чрезмерно привязанных к своему руководителю, могло привести к возникновению четвертой, члены которой предавали проклятию весь этот «культ поклонения герою». С присущей им немалой долей неприязни к авторитетам, они могли занять вполне благовидную позицию: «Зачем вообще эти руководители? Нами руководит Христос. Он – Глава Тела. Мы зависим только от Него и направляемся прямо к Нему. Он говорит, что нам делать, и, когда мы служим Ему, Он являет нам Свою волю».

Если существование первых трех групп было (и остается) оправданным и понятным, последнюю группу оценить труднее всего. Обычно расстановка акцентов и язык, используемый ее членами, выше всякой критики, а «прямая связь» с Богом внушает сильные опасения. Присутствие таких людей в церкви в конце концов приводит к тому, что практически все начинают чувствовать собственную несостоятельность: «У нас нет ясных вестей от Бога; наша молитва не такая живая и непосредственная; в отличие от них мы не так уверены, в чем заключается воля Господа». Когда члены этой группы присутствуют в церкви, всегда чувствуется хотя и слабый, но вполне ощутимый дух превосходства. Нелегко что-либо возразить, когда тебе говорят: «Господь сказал мне, что...»

Нередко психологической основой для такой установки служит сочетание внешнего проявления сильно развитого индивидуализма со скрытой неуверенностью. Это ведет к внутреннему нежеланию исполнять то, что тебе говорят, и выражается в потребности оправдать свою неуверенность разговорами о значимости глубоко субъективных переживаний. Такие люди утверждают, будто их переживания нельзя оценить (не говоря уже о том, чтобы показать их ложность), поскольку они выше всякого анализа. Они заявляют, что давать оценку таким переживаниям неуместно и неправильно, так как они не предназначены для обсуждений.

Нет почти никаких сомнений, что партия Христа в немалой степени способствовала возникновению гностических тенденций в Коринфе. Если группа Аполлоса, по всей вероятности, несла ответственность за формирование интеллектуальной элиты в коринфской церкви, то партия Христа, скорее всего, способствовала возникновению элиты сверхдуховной. Обе тенденции веками присутствуют в христианской церкви. Возможно, партия Христа возникла в результате чрезмерного разрастания мистериальных религий Коринфа с их акцентом на духовном опыте и полным пренебрежением к разуму.

Интересно, что члены партии Христа (часто с самого начала) тяготеют к отделению и образованию собственной «церкви», в основном потому, что, в конце концов, начинают чувствовать: обычная поместная церковь недостаточно духовна. Этим объясняется тот факт, что в своем послании, написанном в 95 г. н. э., Климент Римский, касаясь трех других партий, не упоминает о коринфской партии Христа.

---

²⁴ Высказывается точка зрения, согласно которой фраза «Я Христов» могла представлять собой раздраженную реакцию Павла на существование первых трех позиций.

Сколь неизбежным ни было существование в Коринфе таких самобытных групп, Павел не готов обойти стороной их потенциальную направленность к разобщению. В ст. 10 он призывает к единству, а затем в ст. 13–17 приводит три основательных довода против разделения. В этом призыве содержатся три фразы с политическим оттенком: *...чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях*. Первая буквально означает «говорить одно и то же» и ее нередко можно прочесть на могильной плите I в., под которой покоится супружеская пара: речь идет не о поддакивании, а о совместной работе и гармоничных взаимоотношениях. Павел верит, что эти четыре группы должны работать вместе, и призывает их к этому. Каждая из них самобытна, и эту самобытность полностью и безоговорочно надо привести в жизнь христианской общины. Все должны настороженно относиться к возможности раскола, не допуская разногласий, приводящих к разделению.

Иными словами, Павел стремился к гармонии, а не к монотонному звучанию. Он считал, что христиане, ведущие разный образ жизни, не только могут, но и должны жить в гармонии между собой, ибо к этому их призывает Бог. Взаимное признание, дающее каждому человеку возможность свободно выражать свои убеждения и мысли, ведет к восстановлению истинного единства *в одном духе и в одних мыслях (nous и gnOme)*²⁵.

2. Сосредоточенность на Иисусе Христе

Все доводы Павла против разобщения сфокусированы на Иисусе Христе, и надо сразу сказать, что как тогда в Коринфе, так и повсюду сегодня разделение и разобщение возникают в силу того, что взоры христиан устремляются куда угодно, только не на Иисуса Христа. Приведенные Павлом доводы вращаются вокруг идеи целостного понимания личности Христа, Его креста и Его власти.

1) Целостное понимание личности Христа

Разве разделился Христос? (13). Или буквально: «Разве Христос распался на части?» Глядя на коринфян со всеми их разделениями, Павел спрашивает: «Неужели вы считаете, что существуют какие-то части Христа, которые можно распределить среди разных групп? Если вы имеете Христа, то имеете Его целиком. Иисуса нельзя разделить». Мы не можем принять лишь половину человека, сказав ему: «Пожалуйста, войди, только ноги оставь за дверью». Это, между прочим, позволяет лучше понять такие расхожие фразы, как «желать Христа еще больше». Такого не может быть: скорее мы сами должны позволить Христу иметь нас еще больше. Мы находимся в состоянии деградации, и Христос постепенно придает нам целостность, чтобы мы еще больше уподобились Ему – единому и цельному. Это же соображение имеет место, когда говорят, что хотят иметь больше Святого Духа. Если Он личностен, Личность, тогда Он или живет в нас, или не живет; и снова наше желание и молитва должны заключаться в том, чтобы Святой Дух еще больше обладал нами.

2) Крест Христа

Второй аргумент Павла против разобщения выражен в еще более яркой форме: *...разве Павел распялся за вас?* Он призывает коринфян перестать поклоняться каким-то людям и снова сосредоточиться на «Иисусе Христе, и притом распятом». Такова была суть его проповеди, когда он впервые проповедовал в Коринфе (2:2). Эта весть привлекла их с самого начала. Своей совершенно новой жизнью они были обязаны Иисусу Христу. Именно Он,

²⁵ Оба эти слова обозначают борьбу с истиной и приближение к ней (никакого единства без содержания). Слово, использованное в конце ст. 10 (*соединены*), употребляется, когда речь идет о вправлении вывихнутой кости или починке сетей (ср.: Мк. 1:19), то есть о приведении в изначальное состояние. Это же слово Павел употребляет в Еф. 4:12, говоря о влиянии пяти аспектов служения (апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя) на церковь в целом в ее «оснащении» и в подготовке «на дело служения». Это приводит к двум соображениям: во-первых, единство духа (разума) и мыслей является частью «данности» единства во Христе, которое нам надо поддерживать (ср.: Еф. 4:3); во-вторых, чтобы вернуться к этому единству, мы нуждаемся в служении, упомянутом в Еф. 4:11. Последнее подтверждает правоту Баррета, сказавшего, что «ни здесь, ни позднее Павел не имеет в виду, что состояние церкви могут улучшить церковные политики» (р. 42).

а не Аполлос, Петр или Павел, умер за их грехи и принес им прощение и очищение. Они знали, что значит быть искупленным и преображенным. Они были обязаны Христу, какую бы группу теперь ни поддерживали.

Когда христиане заявляют о своей приверженности какому-нибудь человеку, например, одаренному проповеднику или пастору, они отворачиваются от Иисуса Христа, а это неизбежно ведет к разобщению. Только Иисус может всех объединить, и Он делает это через крест, потому что к Богу мы можем прийти только *через* крест Христа, и нет исключений: перед крестом все равны. Нам никогда не уйти от креста. Если же мы это делаем, то покидаем место примирения – с Богом и людьми (Кол. 1:19–22).

Этим объясняется важность Господнего причастия как таинства примирения. Одним из полезных результатов регулярного участия в обряде святого причастия является постоянное напоминание о кресте. Сталкиваясь с фактом разобщения в современной христианской церкви, многие христиане воспринимают как нечто странное мысль о том, что это конкретное священнодействие некоторые рассматривают как *последнее* средоточие единства, а не как первое. Некоторые христиане утверждают, что отсутствие возможности вместе участвовать в Господней трапезе (Вечере Господней) является наказанием за наше разобщение, и что эта возможность появится только тогда, когда мы действительно объединимся. Мы хотели бы со всей определенностью заявить, что примирение и единение христиан – это *плод* искупительной жертвы Христа на Голгофе и что, следовательно святое причастие – это действие, акт, посредством которого мы *начинаем* являть это единство; это Божий дар, обращенный к нам благодаря примиряющей работе Его Сына. Если мы считаем, что нам надо сначала потрудиться ради обретения видимого единства и лишь *потом* мы сможем принять участие в Господнем причастии, мы поступаем опрометчиво и как бы прибавляем наши добрые дела к Божьей благодати, обретшей всю свою силу на Голгофе. Мы все вместе приступаем к Господней трапезе как грешники, искупленные Его кровью, и признаем, что в результате нашего греха и вины возникло разобщение, а затем благодарно и радостно празднуем наше единство в прощении и очищении. Нет истины более красноречивой и способствующей подлинному единению христиан, чем крест Христа.

3) *Власть Христа*

Этот аргумент против разобщения входит в третий риторический вопрос из ст. 13: *... или во имя Павла вы крестились?* Быть крещеным во имя кого-либо (*eis*, букв. «по отношению к...») значило отдать свою жизнь этому лицу, повиноваться ему и служить. Павел со всей очевидностью показывает, что, приняв крещение, коринфяне стали собственностью Иисуса Христа – и никого более. Он, конечно, очень чутко относился к тому, что кто-то станет считать себя его учеником. Так происходило, когда люди крестились у Иоанна Крестителя. Павел был убежден (как и Иоанн [ср.: Ин. 3:30]), что ему надо умяться, а Иисусу – расти в любви и преданности уверовавших в Него.

Быть может, в действительности Павел имел в виду ситуацию, сложившуюся в Коринфе, где крещение *как таковое* приобретало чрезмерную значимость. Он, несомненно, всеми силами стремился умалить значение того, кто совершает этот обряд: *Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия* (14). Меньше всего Павел хотел, чтобы кто-то говорил, что он крестился во имя Павла (15). Таким образом, складывается впечатление, что с самого начала своего служения апостол предоставлял возможность крещения другим. Он прекрасно понимал, как в связи с крещением легко возникает тот или иной культ личности. До сих пор встречаются люди, которые с немалой долей невежества рассуждают так, словно личность того, кто крестит, имеет важное значение.

Если бы Павел *действительно* крестил всех, кого обратил своим служением, возникло бы большое недоразумение. Кажется, он на самом деле забыл, кого именно крестил в Коринфе; ему приходится напрячь память, чтобы вспомнить *Стефанов дом*²⁶.

Следовательно, хотя и правильно сказать, что в контексте собственного служения Павел преуменьшает значение крещения (ст. II: *Христос послал меня не крестить, а благовествовать*), нужно подчеркнуть и то, что вопрос о важности этого обряда является для Павла третьей возможностью призвать коринфских христиан к единству. Он признает, что для каждого верующего факт его крещения имеет принципиально важное значение. Он напоминает каждому христианину об этом таинстве и убеждает его, что это не пустой обряд, а знак полного посвящения себя владычеству Иисуса Христа. Теперь они все принадлежат Господу, а не Аполлосу, Петру или Павлу. Павлу важен глубокий смысл крещения, а не внешняя обрядовость этого таинства и не человек, который его совершает. Он заостряет внимание на самобытной природе жизни после крещения, и, вероятно, с пастырской точки зрения именно на этом и надо делать акцент в продолжающихся сегодня спорах о крещении.

Основываясь на целостном представлении о Христе, Его кресте и власти, Павел призывает коринфских христиан засвидетельствовать дарованное им Богом единство в Иисусе Христе. Как и Павел, мы призваны *благовествовать(II)*, и благовествовать так, чтобы никоим образом не умалять значения Христова креста. Преуменьшить его очень легко, особенно если мы начинаем потворствовать мирской мудрости. Это подводит Павла к его первой основной теме – теме истинной и ложной мудрости.

---

²⁶ Примеры таких крещений всех домочадцев можно найти в Деян. 16:15, 32,33.

1:18-2:16

3. Мудрость – истинная и ложная

На протяжении всего этого раздела Павел противопоставляет мудрость мира мудрости Божьей. Прочитав текст, мы увидим основные особенности той и другой, и, тем не менее, полезно сделать обзор темы в целом. Корневое слово (*sophos* или *sophia*) встречается свыше двадцати раз, и «возможно, хотя и не наверняка, Павел подхватывает девиз, зародившийся к Коринфе»²⁷.

Баррет делает полезное замечание, согласно которому Павел использует слово «мудрость» в четырех значениях, два из которых отрицательны и два – положительны²⁸. Пример «плохой» мудрости приводится в 1:17 («премудрость слова»), где речь идет о манере говорить, проявляющейся в искусной компоновке человеческих доводов. В 1:19 Павел описывает не столько манеру говорить, сколько способ мышления, то есть отношение к жизни, которое основывается на том, во что я *хочу* верить и что *хочу* делать.

Этим двум примерам человеческой мудрости Павел противопоставляет Божью мудрость, тоже в двух значениях (согласно Баррету). Он говорит о том, что (1:21 и 2:7) Божий план спасения определяется Его мудростью, но, кроме того, усматривает в Иисусе Христе саму Божью мудрость и, следовательно, подлинную *сущность спасения* (1:24 и 30). Поэтому Павлу любая попытка спастись помимо Иисуса Христа, и притом распятого, представляется полным безумием.

Павел усматривал два основных способа, с помощью которых неверующий мир пытался установить такое отношение к Богу.

Иудеи хотели, чтобы Бог соответствовал всем их критериям, ожидая от Него неопровержимых и осязаемых доказательств, которые они могли бы положить в основу своих убеждений. «Они требовали доказательств, и их интерес сводился к практическому... Исходя из этого, они требовали от Господа знамения (напр.: Ин. 6:30). Они считали, что Мессия засвидетельствует о Себе яркими проявлениями силы и величия. Распятый Мессия был для них логическим противоречием»²⁹.

Что касается греков, то они предпочитали с помощью рассуждений и доводов устанавливать умозрительное отношение к Богу. Используя свой интеллект на то, чтобы создать Бога по своему образу, они считали невозможным мыслить о Боге как о личности: «Для греков первой особенностью Бога была *apatheia* — полная неспособность что-либо чувствовать. Греки утверждали, что Бог чувствовать не может... Страдающий Бог был для них логическим противоречием... Бог по необходимости был весьма обособлен и далек»³⁰. Греческому уму проповедь о кресте, то есть о том, что Бог во Христе примирил мир с Собой, неизбежно представлялась непонятной и смешной.

Следовательно, с точки зрения Павла мудрость мира (как иудейская, так и греческая) однозначно является следствием бунта человека против Бога, нежелания преклонить перед Ним колени и стремления сообразовать Его со своими собственными идеями и желаниями. Поскольку Бог решил искоренить всякую человеческую гордость, надо отвергнуть любую мудрость, которая не основывается на «Христе, и притом распятом» (и на исходящих из этого истинах, которые содержатся в Евангелии, то есть истине о человеческой греховно-

---

²⁷ Conzelmann, p. 37.

²⁸ Barrett, pp. 67–68.

²⁹ Morris, p. 45.

³⁰ Barclay, pp. 20–21.

сти и истине о благодатной возможности спасения, дарованной святым и любящим Богом и Создателем).

Складывается впечатление, что мирская мудрость шествует по улицам и наполняет ученые залы Коринфа. Концельман приводит некоторые модные фразы, бытовавшие в народной философии того времени: «Мудрец словно царь», «Мудрому принадлежит все»³¹. Такую мудрость Павел отвергает. Кроме того, он отвергает и ту форму, в которой она преподносится, то есть стремление убедить, облеченное в красивые фразы. «Греки были опьянены красноречием»³². Как многих из сегодняшнего Оксфордского университета, их занимала не столько истина или то, что на самом деле сказано, сколько умение убедительно выразить все в красивой форме.

Однако было бы наивным считать, что Павел пишет это послание лишь ради желания противопоставить христианскую проповедь и истину современной греческой и иудейской мудрости. Интеллектуальный климат эпохи (как научной среды, так и обыденной жизни) всегда многими непростыми путями проникает в христианскую церковь. Согласно Баррету, «не лживое превознесение миром своей мудрости и способностей заставило Павла написать Первое послание к Коринфянам, а такое же лживое восхваление церкви... где христиане гордились людьми и неправильно оценивали их дары. Они делали это лишь потому, что забыли главное: их существование как христиан зависит не от их заслуг, а от Божьего призвания и от знания того, что Евангелие – это весть о кресте»³³.

Для того чтобы воссоздать «ум Христов», понадобится много времени, систематического и глубокого изучения Писания и постоянного просвещения Святым Духом. Этот процесс включает в себя как забвение мудрости мира, так и впитывание мудрости Божьей. Поэтому для современных христиан важно учитывать те аспекты, в которых наше мышление подвергается влиянию секулярных тенденций нашего времени, – так же, как Павел считал необходимым показать коринфской церкви всю пустоту и безумие современного ему мышления.

Раскрывая безумную пустоту мудрости мира, Павел вовсе не намеревался недооценить ее значения и влияния. Особенность такой мудрости заключается в том, что она может лишиться слова о кресте его силы (1:17). Такова мера ее угрозы благовестию и церкви. Следовательно, мы имеем дело не с чем-то второстепенным или поверхностным, а с хитрым врагом, поражающим наше благовестие в самое сердце. Если мы не сможем определить его и изолировать, наше благовестие станет ничтожным и пустым.

Павел вполне допускает, что такая мудрость может быть действенной. В ст. 17–21 он использует четыре фразы, объясняющие его точку зрения: такая мудрость «красноречива» («премудрость слова», 17), «разумна» (19), но так как это всего лишь слова (20), она совершенно ничего не дает, когда речь заходит об основных человеческих потребностях и желаниях (21).

Слово *разумный* (19) в действительности встречается в цитате из Книги Пророка Исаии (Ис. 29:14). Контекст этого отрывка описывает ситуацию, возникшую в жизни Иудейского царства в VIII в. до н. э. Люди думали, строили планы и действовали, совершенно не признавая реальности (не говоря уже об актуальности) трансцендентного Бога, способного серьезно повлиять на ситуацию здесь и сейчас. В своей разумности они полагались на чисто человеческую изобретательность и находчивость. Христиане, как и неверующие, порой в избытке обладают такой разумной мудростью.

---

³¹ Conzelmann, p. 15.

³² Barclay, p. 22.

³³ Barrett, p. 59.

Один из признаков чисто человеческой мудрости – стремление полагаться на красноречивое, с виду убедительное высказывание, полное многословия. Шведский режиссер Ингмар Бергман однажды заметил: «Если Бог умер, тогда христиане просто занимаются болтовней». Сам Иисус ясно предостерегал против религии, которая выражена ортодоксальным языком, но не приводит к изменению образа жизни (ср.: Мф. 7:21; Лк. 6:46). Павел знал цену убедительного аргумента: возвещая о Христе в Коринфе, он «говорил» в синагоге неделю за неделей и «убеждал Иудеев и Еллинов» (Деян. 18:4). Однако он не считал, что убедительная речь сама по себе может способствовать рождению веры в Иисуса и знанию о Боге, преобразующем жизнь.

Энергичным христианским руководителям, наподобие Тимофея и Тита, Павел внушал мысль о тщетности и опасности бесконечных словопрений. Подробности обычаев, осуждаемых Павлом в его Пастырских посланиях, остаются неясными, но основной импульс очевиден: Павел ожидает преобразования жизни, свидетельства веры, любви и святости. Он выступает против любого многословия, которое с виду полно религиозного содержания, но на самом деле оказывается «баснями», «родословиями бесконечными», «пустословием», «словопрением», «распрями», «глупыми состязаниями». Его совет можно выразить кратко: «Удаляйся (от них)» (ср.: 1 Тим. 1:3–7; 4:6,7; 2 Тим. 2:14 и дал.; Тит. 3:8–11).

Таким образом, как по содержанию, так и по форме мудрость мира создает угрозу для «слова о кресте». Павел, вероятно, не стремился к тому, чтобы отвергнуть *все* знание, мудрость и философию нехристианского мира (хотя в Первом послании к Коринфянам он таких чувств не выражает). Он, вероятно, признавал их заслуги в строго определенных и существенных рамках. Такая мудрость действительно может многое совершить, произвести впечатление на многих людей, оказать сильное воздействие и принести большую *известность* — однако она никогда не насытит голодную душу прощением и миром с Богом. Томас Элиот писал:

Все наше знание приближает нас к неведению,
 Все наше неведение приближает нас к смерти,
 Однако близость к смерти – это не близость к Богу.
 Где наша жизнь, которую мы прожили?³⁴

Существуют некоторые особенности и границы мирской мудрости. В этом отрывке (1:18 – 2:16) Павел раскрывает Божью мудрость в трех аспектах – слово о кресте (1:18–25), о путях Божьих (1:26–31) и о служении Духа (2:1–16). Вряд ли можно назвать случайностью тот факт, что они имеют троичную структуру: в гл. 2 учение Павла имеет явно выраженное тринитарное содержание.

1. Слово о кресте (1:18–25)

Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых – сила Божия. 19 Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну». 20 Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? 21 Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. 22 Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; 23 А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, 24 Для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; 25 Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немоющее Божие сильнее человеков.

Важно отметить, что Павел акцентирует внимание на *слове* (18) и проповеди (21 и 23). Как бы он ни осуждал и ни отвергал человеческую мудрость, он страстно верит в разумную

³⁴ T. S. Eliot, lines 11–14 from 'Choruses from «The Rock»' (1934). *The Complete Poems and Plays of T. S. Eliot* (Faber and Faber, 1978), p. 147.

природу явленной Богом мудрости. Истина и Божье слово – не только Сам Иисус: Павел ясно пишет о возвещении Божьей мудрости «словами... изученными от Духа Святого» (2:13). Ни проповедь, ни восприятие этой вести не могут осуществляться одними лишь человеческими возможностями, однако тем самым мы не должны снимать с себя обязанности проповедовать Евангелие как богооткровенными словами, так и «изученными от Духа».

Мудрость Божья – в слове о кресте (18)³⁵. В параллельной фразе из 1:23 (*мы проповедуем Христа распятого*) подчеркивается содержание этой мудрости. Слово «крест» часто используется в довольно неопределенном смысле, без акцента на том факте, что на этой римской виселице был повешен конкретный Человек. Божья мудрость становится зримой в Мессии, повешенном на дереве. Для иудеев это *соблазн* (камень преткновения), вопиющее оскорбление их чувств (греч. *skandalori*), так как «проклят... всякий повешенный на дереве» (Втор. 21:23; ср.: Гал. 3:13,14). Разве может всепобеждающий Мессия, Тот, Кому надлежит прийти, закончить Свои дни на дереве? Одно это доказывает, что Он – не Мессия. В этой вести нет никакой мудрости – полный абсурд. Однако Павел утверждает: «Мы проповедуем Христа, Помазанника, Мессию, распятого». Неверующим иудеям и грекам это может показаться полным абсурдом, безумием, глупостью, и это подчеркивает, что они – среди *погибающих* (18).

Если иудеи хотят *чудес* (знамений), то греки постоянно *ищут мудрости* (22); однако до тех пор, пока они не перестанут полагаться на свою пронизательность и разумение, они не смогут постичь Божью мудрость в Иисусе Христе. То, что Сыну Божьему суждено было родиться в образе человека, возмужать, оставаясь в неизвестности, ходить по земле, творя добро и исцеляя от болезней^ затем предать Свою жизнь в руки беспринципных людей и умереть на кресте, уподобившись обычному преступнику, – все это явно противоречит человеческой мудрости и пониманию.

Пока греки будут настаивать на том, что истину надо изучать в соответствии с основными понятиями, они будут ходить по кругу, двигаться по спирали, которая, в конечном счете, ведет к гибели. Слово *погибать* (18) означает «окончательное уничтожение не только в смысле прекращения физического существования, но скорее в смысле вечного погружения в ад, обреченность на смерть, в описании которой используются такие слова, как „гнев и ярость, горе и мука"»³⁶.

Возникает ключевой вопрос: чего хотят иудей и грек — *спасения* или *погибели*? Станет ли первый по-прежнему настаивать на убедительных знамениях, вместо того чтобы просить о спасении? Будет ли второй погибать в поисках истины, вместо того чтобы признать, что ему нужен спаситель? Именно к этому чувству «вечности в душе человека» и обращает Бог слово о кресте.

Льюис писал: «Да, невелика честь быть последним прибежищем, собственно – альтернативой аду, но Бог на это идет. Ведь надо во что бы то ни стало разрушить иллюзию самодостаточности, и Бог разрушает ее грубым страхом геенны, ее вечного огня, или страхом земных страданий, не стыдясь умаления Своей славы. Я назвал это смирением, потому что не всякий захочет стать последним прибежищем. Будь Господь горд, Он не пожелал бы такой любви; но Он не горд. Он согласен получить нас даже тогда, когда мы ясно показали, что все на свете нам дороже Него, и пришли к Нему лишь „за неимением лучшего"»³⁷.

Человеческая мудрость, мудрость, которую постоянно ищут греки, не позволит, чтобы проблемы, связанные с совестью, потребностью в спасении, возможностью вечной гибели и

³⁵ Вероятно, в этой фразе (*logos tou staurou*) сознательно обыгрывается слово *logos*, которое также встречается в ст. 17 («премудрость слова»), где букв. перевод – «мудрость слова (слов)» (*sophia logou*).

³⁶ А. Оепке in Kittel, *TWNT*. Vol. I. p. 396.

³⁷ C. S. Lewis, *The Problem of Pain* (Fontana, 1957), p. 85.

полного смирения, привели их к Богу и познанию Его, заставили стать на колени и сказать: «Господи, спаси нас». Бог Сам сделал Себя неведомым для человеческой мудрости и непознаваемым ею. Он раскрыл Себя в распятом Мессии. Он решил спасти от вечной гибели не тех, кто обладает какой-то особой мудростью или совершает добрые дела в полную меру своих способностей, а *верующих* (21) в распятого Христа. В этом смысле Бог действительно погубил «мудрость мудрецов» (19).

Когда кто-то, будь то иудей или грек, склоняется перед Иисусом Христом как Господом, он начинает ощущать Божью силу спасения (18). Подобно тому, как прежде он безнадежно падал вниз, снижаясь по спирали греха и смерти, теперь он чувствует, как свыше нарастает Божий призыв в Иисусе Христе (24). Здесь важно подчеркнуть, что Бог не спорит с теми, кто спорит с Ним. Божий ответ на всякую человеческую мудрость — *действовать в силе* (греч. *dynamis*, куда восходит и наше слово «динамит»): таким образом, самая лучшая апология Евангелия — *спасаемые* (18), дающие ответ на *слово о кресте*. Эта мудрость может казаться безумием или слабостью, но она гораздо глубже и сильнее всего, что может предложить мудрость мира (25).

Итак, каким бы разумным и осмысленным ни было «слово о кресте», нам нельзя поддаваться соблазну отвечать на доводы мирской мудрости одними лишь словами, даже «словами, изученными от Духа Святого». Самый убедительный ответ – Божья сила спасения и преображения людей: *Христос, Божья сила и Божья премудрость* (24), так как Бог сделал Его «премудростью... праведностью и освящением и искуплением» (1:30).

Мы со всей очевидностью познаем мудрость Божью, пути ее действия: Он спасает тех, кто верит, а не тех, кто мудр или умен, и тем самым выражает Свое отношение к человеческой гордыне. «Бог гордым противится» (1 Пет. 5:5), Его замысел – в том, *чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (29; ср.: Ис. 2:11–17). Полагающиеся на собственную мудрость и интуицию могут продолжать поступать так, но не в присутствии Бога: этим они отчуждают себя от Него. В намерения Божьи входит свести на нет человеческую гордыню, поэтому Он стремится показать всю ее пустоту и тщетность.

Он совершает это и в Коринфе: *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее* (27,28). Новые жизнь и любовь, чистота и мир, надежда и счастье со всей очевидностью проявились в христианском братстве в Коринфе – и более нигде в этом развратном городе. И их было *не много... мудрых по плоти, немного сильных, немного благородных*(26). Люди благородного происхождения (философы, дельцы и землевладельцы, а также те, кто стоял у власти), за редким исключением (то есть их было *немного*), отсутствовали в коринфской церкви.

Коринф в этом отношении не особенно отличался от других городов, поскольку христианство стремительно распространялось среди низших слоев общества в Средиземноморском регионе, и этот факт (в классовом сознании греческого и римского общества) отчасти был сам по себе оскорбительным для высших слоев. Были обращены, спасены и изменены люди, находившиеся на самом дне общества. Бог «снял накипь», призвав самых никчемных людей и сделав из них царей и священников в Своем Царстве(ср.: Отк. 5:9,10). Это было как раз то, о чем сказал Иисус, заявляя о Своем служении: «Он помазал Меня благовествовать нищими... исцелять сокрушенных сердцем» (ср.: Лк. 4:18 и дал.). Таков метод Бога, в этом – Его мудрость, действенная сила Евангелия.

Используя такие методы, Бог перевернул ложные концепции, бытующие в мире, то есть представления о том, что для Него важны мудрость, хорошее воспитание и образование, дар красноречия, природная одаренность, богатство, власть и влияние. Эти представления с трудом изживаются даже в христианской церкви. Они господствовали в Коринфе того времени, они затмевают славу Божью и поныне. Иаков язвительно обличал христиан, придер-

живавшихся таких взглядов (Иак. 2:1–9), иллюстрируя это на примере поведения влиятельных людей в церковном собрании.

Замысел Божий состоит в том, чтобы облечь особым статусом и воздать особую честь Своему Сыну, Иисусу. Бог сделал Его всем для нас: нашей *премудростью*, нашей *праведностью и освящением и искуплением* (30)³⁸. Человек, который ищет глубину, надлежащее положение, чистоту и свободу, найдет все это только в Иисусе, ибо все эти вещи стали доступны нам лишь через Его смерть на кресте. Если замысел Бога – возвысить и прославить Иисуса, то мудрец последует по пути, предначертанному Богом, смирит себя перед распятым Спасителем, не станет полагаться ни на какие мирские критерии и принципы и будет «хвалиться одним лишь Господом»: в этом и состоит истинная мудрость. Грамматический строй ст. 30 в греческом языке показывает, что Павел приравнивает мудрость праведности, освящению и искуплению: кто обладает этим, тот поистине мудр.

Рассматривая мудрость Божью в таком ключе, следует особо отметить, что именно по Своей любви Он противостоит гордым. Он спасает только тех, кто проявляет достаточно смирения, чтобы обратиться к Иисусу Христу за спасением, и Он страстно желает, чтобы все люди были спасены и пришли к осознанию истины (1 Тим. 2:4). Бог постоянно и намеренно ставит гордых людей на колени, дабы они могли войти в Его присутствие с покаянием и верой. Люди, прославляющие свой ум, знания и интуицию, будут посрамлены теми, кто, по мирским представлениям, достоин всяческого презрения, но кто знает Бога в Иисусе Христе. Люди, обладавшие огромной властью, оказались уязвимыми и поддались впечатляющему воздействию внутренней силы, присущей очень слабым, но любящим Бога личностей. Под покровом богатства и влиятельного положения в обществе часто скрываются незначительные и весьма ординарные личности, которые обычно игнорируют и презирают любящих Бога. Бог с Его мудрой любовью постоянно находит пути для того, чтобы свести на нет человеческую гордыню.

К нам, как к христианам, обращен призыв смириться и покориться Богу (ср.: 1 Пет. 5:6). Но если нам недостает для этого мудрости, Бог всегда поможет достигнуть смирения даже таким людям, по отношению к которым это кажется невероятным. Таковы полные любви свершения нашего мудрого Бога. Здесь, как нигде, уместны стихи из Книги Пророка Исаии (Ис. 55:8,9): «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших».

Контекст этих слов из Книги Пророка Исаии перекликается с данным разделом Первого послания к Коринфянам еще и потому, что предыдущие два стиха описывают свободное и щедрое прощение тем, кто ищет Господа повсюду, где Его можно найти, кто призывает Его, когда Он близко. Это всецелое и вечное принятие кающегося грешника, который взывает к Богу о спасении, совершенно чуждо мирской мудрости и способу мышления человеческих существ. Человеческий ход мыслей всегда подразумевает необходимость на пути спасения приложения собственных усилий, совершения добрых поступков, мудрых речей. Путь Господень предполагает следующую весть: «...ищите Господа... призывайте Господа... обращайтесь к Господу, к Богу нашему, ибо Он многомилостив и дарует прощение в изобилии».

Хвалящийся хвалится Господом (31). Это цитата из Книги Пророка Иеремии, отрывка, который особенно подходит к рассматриваемой ситуации: «Так говорит Господь: да не хвалится мудрый мудростью своею, да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим. Но хвалящийся хвалится тем, что разумеет и знает Меня, что Я – Господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно Мне, говорит Господь» (Иер. 9:23,24).

Служение Духа (2:1–16)

³⁸ Великолепный комментарий к ст. 30 см.: Barrett, pp. 60–61.

И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, 2 Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого; 3 И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете. 4 И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, 5 Чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. 6 Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, 7 Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, 8 Которой никто из властей века сего не познал; ибо, если бы познали, то не распяли бы Господа славы. 9 Но, как написано: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». 10 А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии. 11 Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. 12 Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, 13 Что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, сообразяя духовное с духовным. 14 Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. 15 Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. 16 Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов.

Работа Святого Духа неоднократно подчеркивается в гл. 2. Здесь речь идет о триединстве, например: «... кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (2); «Господь славы» (8); «ум Христов» (16); о Боге говорится в ст. 1, 5, 7, 9, 10, 11, 12 и 14. Другая фундаментальная истина, заключенная в этой главе, – тесная связь между крестом и Духом. Форсайт П. Т. называет это «неразрывным партнерством», а в ходе общих рассуждений о мудрости в гл. 1 и 2 идея такого единения становится совершенно понятной. Божественная мудрость раскрывается в Иисусе Христе, притом Христе распятом, и эта мудрость исходит из ее первоисточника через служение Духа (2:10 и 13).

В ст. 1–5 Павел вспоминает, что прибыл в Коринф *в страхе и в великом трепете* (3): такие опасения вызывали как репутация этого города, так и осознание Павлом собственной уязвимости во всем. Он принял обдуманное и твердое решение отвергнуть всякую природную и человеческую мудрость, сосредоточиться и не знать ничего, *кроме Христа... распятого* (1,2). Он отверг опасную привлекательность философской аргументации: вместо этого Павел целиком и полностью положился на действенную силу Духа и на собственном опыте продемонстрировал ее (4). Это решение послужило гарантией того, что дальнейшие преобразования в жизни коринфян полностью утвердились *не на мудрости человеческой, но на силе Божией* (5).

Этот раздел предоставляет совершенную основу, отправную точку для любой проповеди о том, что, подобно Павлу, следует отвергнуть и чему надлежит следовать. Здесь для проповедника найдется много вопросов для исследования. Является ли наша проповедь истинным провозвестием? Возвещаем ли мы о той могущественной силе, которую Бог явил в Христе в свидетельство о Себе? Не затуманиваем ли мы Благую весть просто возвышенными словами (*в превосходстве слова*, 1) или другими приемами? Приняли ли мы твердое решение сделать Иисуса Христа, притом распятого, темой нашей проповеди и средоточием нашей жизни? Обретаем ли мы сами надлежащий опыт и ощущаем ли собственную уязвимость как провозвестников Евангелия во враждебном нам языческом мире? Является ли наша проповедь демонстрацией силы Духа? Показывают ли *результаты нашего* благовествования действенную силу Духа? Меняется ли при этом жизнь людей? Видят ли они проявление силы Духа в своей жизни?

В ст. 6 язык и направленность мысли Павла меняются. Начиная с 1:18, он живописует яркими красками контраст между мирской мудростью и мудростью Божьей. Он раскрывает тщетность всех человеческих усилий и всех человеческих путей спасения. Он наглядно демонстрирует пустоту такой человеческой мудрости, лишив ее всякой ценности и привлекательности. Ясный итог этих рассуждений – вывод о том, что Павла не интересует никакая мудрость, кроме безумства, «юрродства» Евангелия. Павел заключает, что *даже* (как в ст. 6, RSY) *между совершенными* проповедуется *мудрость не века сего*.

Обращает на себя внимание переход во 2:6 от местоимения первого лица единственного числа (2:1–5) к местоимению первого лица множественного числа «мы» (2:6–16). Это еще более заметно, потому что, начиная с 3:1, Павел снова говорит от первого лица. Одно из возможных объяснений этого перехода таково: в этом отрывке Павел обращается к церкви с наставлением, как обычно это делали апостолы, обучающие людей духовной истине в силе Духа (ср.: ст. 13); но духовная незрелость, даже инфантилизм коринфян не позволяли пользоваться простым приемом. Если такое истолкование верно, то трудная для понимания фраза *мы имеем ум Христов* (16) предстает как декларативное заявление апостолов в свете их уникальной роли в созидании церкви.

Многие оспаривают важность этого возврата к первому лицу. Они полагают, что Павел придерживался нормы, принятой в большинстве церквей, фокусируя внимание на богатстве Божественной мудрости, доступной тем, кто не является столь духовно незрелым, как коринфские христиане. Но как «духовные», так и те, кто постоянно двигается вперед под действием Духа, испытывая все, что Богдан нам во Христе (ср.: ст. 12), могут присоединиться к Павлу и сказать вместе с ним: *...а мы имеем ум Христов*.

В ст. 6 Павел еще раз повторяет, что мудрость Божья — *мудрость не века сего*. Она не берет своего начала в этом преходящем мире и не может быть почерпнута из его источника. Фраза *века сего* встречается в 1:20 и снова повторяется в 3:18. Поскольку этот век — *преходящий*, мирская мудрость должна унаследовать его судьбу. Эта мудрость (свойственная в основном *правителям века сего*) тоже должна кануть в вечность, как и сами эти смертные и временные правители и власти.

Что Павел подразумевал под *властями века сего* (6 и 8)? Вероятно, эти земные правители (типа Пилата и Каиафы), представлявшие собой образцы римской и иудейской мудрости (или *власти*), обозначают бесовские силы. Даже не проводя прямой параллели между бесовскими силами, и властными структурами, и человеческими правителями мира, Библия, тем не менее, выражает мировоззрение, согласно которому силы зла отчетливо проявляют себя в тех ситуациях, где наиболее эффективно демонстрируется власть человека (ср.: Ин. 16:11; Еф. 6:12). Павел, по-видимому, в связи с этим указывает, что наиболее действенная человеческая мудрость – та, которая контролирует решения и деятельность властных структур³⁹. Но даже и эта мощная сила, присущая мудрости, исчезает, как и правители, которые ассимилируют ее и отражают ее временную природу.

Но и такая влиятельная мудрость пасует перед лицом того, что составляет премудрость Божью, *тайную и сокровенную* (7). Эта мудрость была явлена, воплощена и стала доступной в Иисусе Христе. Если бы правители сего века осознали истинную суть Иисуса, *то не распяли бы Господа славы* (8). Такое невежество, такая слепота, такая непростительная недалекость обнаруживают всю полноту безумства человеческой мудрости.

В знаменательной фразе в ст. 7, где Павел описывает Божественную мудрость как ту, *которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей*, мы видим прекрасную перспективу – от вечности к вечности. Другими словами, Павел говорит, что в Своей мудрости Бог воз-

³⁹ Этот контраст между мудростью, находящейся под действием злых сил, и мудростью Божественной ясно обрисован в Иак. 3:13 и дал.

ложил на *Иисуса Христа, и притом распятого*, спасение человечества задолго до того, как были созданы время и пространство, задолго до того, как Он сотворил нас по Своему образу (*прежде веков*). Более того, Его замысел от вечности – привести всех Своих «святых» к славе, которую они разделят с Ним.

Чрезвычайно важно отметить, что «тайна, о которой говорит здесь Павел, не является чем-то, призванным дополнить весть о спасении через крест Христа: именно в Христе распятом воплощена мудрость Бога. Она более детально раскрывает Божественный замысел, сосредоточенный во всей полноте в Христе распятом»⁴⁰. Поэтому мы никогда не отойдем от креста Христова – только лишь в сторону более глубокого понимания значения самого креста. «У Павла не было отдельного Евангелия о кресте для младенцев и другого Евангелия мудрости для зрелых христиан. Каждый христианин обладает потенциальной зрелостью во Христе, хотя реально лишь немногие становятся теми, кем им надлежит быть»⁴¹.

Поэтому тайна *мудрости Божией* — не что иное, как то, что сокрыто в *Иисусе Христе, и притом распятом*. Хотя и сокрытый для многих поколений человеческого рода, ныне Он явил Себя как Сын Божий и Спаситель мира. Слово *тайна* (греч. *mysterion*) имеет двоякий акцент: ни одному человеку не дано познать ее самому, но Бог в Своей любви открыл ее тем, кто смиренно предстоит перед Ним. «Три важнейших источника человеческого знания – зрение, слух и мышление – в равной мере здесь бессильны. До сих пор эта мудрость оставалась тайной, сокрытой веками. Ныне Бог Сам раскрыл ее»⁴². Он открыл ее *Духом Своим* (9,10).

Несколькими искусными мазками Павел нарисовал для незрелых коринфян картину Божественной мудрости в славе⁴³. Он горячо желает показать, что достигнутая ими зрелость даст ему возможность раскрыть эту мудрость перед ними. Слово «зрелость» (в СП в ст. 6 это понятие передано через слово «совершенный») – одно из любимых и часто используемых Павлом слов. Оно использовалось в греческих религиозных мистериях для обозначения «посвященных», но Павел здесь употребляет его для описания возрастания в зрелости всей церкви, что было основной целью его служения (ср.: Еф. 4:13; Кол. 1:28). Ключевой отрывок находится в Флп. 3:8—15, его мысль можно кратко сформулировать следующим образом: «Я хочу познать Христа; я еще не достиг этой цели, но изо всех сил стремлюсь к ее достижению; я забыл, где находился раньше, но стараюсь продвигаться вперед... и все, кто достиг зрелости, находятся точно в таком же положении». Одним словом, для Павла «быть зрелым» означает знать, что цель еще не достигнута, и упорно стремиться к ней. В этом смысле даже только что обращенный христианин может быть «зрелым», тогда как христианин со стажем может сойти с дистанции и остановиться в своем движении к Господу. Таким образом, зрелость (совершенство) представляет собой процесс, а не статичное состояние.

Возможно, ключ, раскрывающий движущую силу процесса достижения зрелости, дается в последней фразе ст. 9, где Павел утверждает, что Святой Дух открывает тайну мудрости Бога *любящим Его*. Для коринфян знание было важнее любви; для Павла же знание о том, что приготовил Бог для нас, определяется нашей любовью к Господу. Очевидно, что цитата, лежащая в основе ст. 9 (ее источник – Ис. 64 и 65), в последние годы была взята на вооружение гностиками и стала их девизом, подтверждающим их концепцию о превосходстве знания и пред стоянии перед Богом.

⁴⁰ Bruce, p. 38.

⁴¹ Barrett, p. 69.

⁴² Dods, p. 66.

⁴³ Некоторые комментаторы (например, Доде и Брюс) считают, что Павел более полно раскрывает эту мудрость в Послании к Ефесянам, особенно в 3:1-13.

Павел разъясняет, что истинная мудрость открыта для всех, а путь к ней лежит через любовь к Богу⁴⁴. Любящий Бога познан Им (1 Кор. 8:3).

В ст. 10–16 Павел более детально объясняет служение Святого Духа, Который раскрывает нам Иисуса как мудрость Божью. Это служение чрезвычайно важно, поскольку без него мы никогда не смогли бы понять *Божьего замысла* (11). *Дух... проникает... и глубины Божии* и помогает всем верующим (то есть всем, кто получил Духа, 12) познать то, что Бог дал нам в Иисусе, а также приобщиться к этой мудрости и понять ее (12,13).

Именно в этом отрывке (12,13) раздела (2:6—16) местоимение «мы» наиболее естественно относится к особому служению Павла и его собратьев-апостолов. Хотя каждый христианин обладает данной ему Духом возможностью понять, стать причастным, приобщиться и истолковать все, что Бог по Своей благодати даровал нам, апостольское учение о спасении Богом во Иисусе уникальным образом раскрывается в ст. 13: *мы возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого*. Вновь отвергая красноречие мирской мудрости, Павел здесь подтверждает, что истоки его учения, как в языковом отношении, так и по своей сути, – в Святом Духе. Слова, которые он использует, переводят на понятный человеческий язык мысли Бога, тем самым сохраняя авторство Бога как святыню.

Вдохновляющая поддержка Святого Духа необходима не только для наставления, просвещения и наделения силой апостольских посланников, но и для тех, кто слушает их. Человек, не получивший Духа (в ст. 14 — *душевный человек*), не имеет потенциальных возможностей распознать, оценить или приветствовать то, к чему Дух хочет приобщить его через своих посланников. В ст. 12–14 Павел использует шесть важных глаголов для описания служения Духа в тех, кто обучает, и в тех, кто воспринимает это учение: первых Он научает познанию, умению высказать положение и объяснить его; тем, кто обучается, Он дает возможность принять, понять и оценить сказанное. Без такого служения Духа не может быть общения, информации и духовного роста до достижения зрелости: истина необъятна и непостижима до конца, а духовные категории истины иногда воспринимаются даже как безумие (14).

Мы начинаем постигать, почему Павел был настолько опечален состоянием христиан в Коринфе, их абсолютно плотским, мирским духом. Они, подобно остальным христианам, имели доступ к *уму Христову* (16), но сами отказались от дарованной им привилегии через работу Святого Духа *судить обо всем* (15) с позиции Божественного самораскрытия в Иисусе Христе – собственно Божественной мудрости. В основе понимания коринфских христиан лежали огромные пласты человеческого опыта, усилий и рискованных попыток предпринимательства – на всем протяжении своей бездуховной жизни (понятие «бездуховности» в СП передается словосочетанием «душевный человек», 14). Здесь употреблено греч. слово *psychikos*: оно описывает «все, что мы унаследовали от первого Адама»⁴⁵, который «стал душой (*psyche*) живущею» (ср.: 15:45). Павел опасается, что верующие христиане могут снова вернуться к образу жизни, который ведут неверующие. Когда человек получает новое рождение через Дух Божий, он потенциально становится «духовным человеком», но это не означает, что он автоматически продолжает ходить в Духе.

Мы должны избегать чувства успокоенности и не почивать на лаврах, считая, что уже достигли желаемого. Должны всеми фибрами души, всем своим существом любить Бога. Должны стремиться к тесному единению со своими братьями в общем Теле Христовом, потому что «иметь ум Христов» по существу означает находиться в неразрывном единстве друг с другом: *...мы имеем ум Христов* (16). Если в своей жизни мы будем придерживаться

---

⁴⁴ Вполне возможно, гностическое истолкование текста 1 Кор. 2:9 опровергается в 1 Ин. 1:1.

⁴⁵ Bruce, p. 40.

этих приоритетов, Дух раскроет перед нами все большие и большие глубины премудрости Божьей во Христе, нашем распятом и воскресшем Господе.

3:1–4:21

4. Юродствующии ради Христа

Один из основных недостатков коринфской церкви заключался в неправильном понимании христианского руководства. Павел говорит об этом уже в 1:1—16. Внимание членов коринфской церкви было сосредоточено на отдельных лицах, на стравливании их друг с другом или на обсуждении их достоинств и недостатков. Они нуждались в знаниях и учении о природе и функциях христианского руководства. Используя слово «руководство», мы, по существу, уклоняемся от предмета нашего исследования. В гл. 3 и 4 Павел продолжает показывать, что такое понятие, как руководство, если его рассматривать с нецерковной точки зрения, отсутствует в Новом Завете и принципиально ему чуждо. Поскольку сегодня в нецерковных кругах часто заводят речь о необходимости руководства (в соответствии с политическими пристрастиями того или иного человека), важно, чтобы церковь еще раз осознала, что же Писание в действительности говорит о подлинном христианском руководстве. В этих двух главах Первого послания к Коринфянам содержится много ключей к раскрытию данной проблемы.

Подвергая критике лживую и заносчивую мудрость коринфян, Павел прибегает к нескольким ярким метафорам. Мы исследуем шесть таких метафор, а также заключительные строки гл. 3, где говорится о мирской мудрости.

1. Младенцы и взрослые (3:1–4)

И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. 2 Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, 3 Потому что вы еще плотские. Ибо, если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете? 4 Ибо, когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?

Мы уже говорили о сетовании Павла на то, что коринфская церковь не была духовной. «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело» – да, это так; «...и все напоены одним Духом» – и это верно (12:13). Однако следуем ли мы наставлению Духа, ходим ли в Его силе, свидетельствуем ли о Его единстве? Конечно, нет. Сами коринфяне считали себя духовными, мудрыми и зрелыми христианами благодаря множеству духовных даров, составлявших гордость их общины. Однако Павел непреклонен: *И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными*. Он, не колеблясь, называет их братьями, однако также вынужден называть *плотскими (1), обычными людьми (3), людьми простыми (4)* (в RSY). По существу, он называет их *младенцами*, младенцами, конечно же, *во Христе*, однако такими, которые так и не смогли избавиться от своих пеленок и едва ли могут сказать хоть одно слово настоящей мудрости, о которой говорилось выше.

Вероятно, с коринфянами так было с самого начала: *Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах (2)*. Интересно отметить, что, с точки зрения Павла, новообращенные могут питаться как «молоком», так и «твердою пищею», однако не коринфяне. Они не были к этому готовы даже через несколько лет после своего обращения к Христу. Как пишет Баррет: «Если говорить об одном лишь времени, то оно само по себе не приводит к христианской зрелости».

На каком основании Павел уравнивает этих христиан с обычными людьми, не знающими Христа? *Ибо, если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете? (3)*. В коринфской церкви процветала зависть. Коринфяне жили с оглядкой друг на друга, завидуя чужим дарам. Любовь практически отсутствовала в их отношениях, которые строились на одном соперничестве; царила

стрять к формированию различных группировок и нежелание общаться с теми, кто придерживался иных взглядов.

«Это ребячество, – говорит Павел. – Повзрослейте же, наконец! Прекратите вести себя как дети!» По сути дела, они и правда похожи на детей, которые капризно заявляют: «Хочу эту игрушку!» или топают ногами, приговаривая: «Я не буду с тобой играть, ты мне не друг». Кроме того, они похожи на людей, не знающих Христа и Его Святого Духа. «Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину», – говорит Иаков (Иак. 3:14).

2. Я насадил, Аполлос поливал (3:5–8)

Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, чрез которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. 6 Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; 7 Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий. 8 Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду.

Теперь Павел прямо переходит к сути проблемы. *Кто* такой Павел? *Кто* такой Аполлос? Задавая эти вопросы в столь пренебрежительном тоне, Павел тем самым отказывается говорить о поклонении какому-либо человеку. Кто-то с почтением смотрит на одного, кто-то на другого, однако не понять Павла невозможно: и тот, и другой — *служители, diakonoi* («дьяконы»). Мы призваны служить вам, мы ждем, когда Бог даст нам свои наставления. Мы покоряемся Его желаниям, а вы получаете благословения. Мы исполняем Его повеление. Он возложил на нас эти обязанности.

Я насадил, Аполлос поливал (6). И то, и другое жизненно важно. Одно зависит от другого. Семена не взойдут, если один сажает их, а другой не поливает или поливает не там, где они посажены. И то, и другое важно, однако ничто не будет иметь силы до тех пор, пока не станет *возращать Бог*. И насаждающий, и поливающий полностью зависят от Бога – и друг от друга: «Мы соратники у Бога» (9), равные в Его глазах и имеющие одинаковую цену (8). Каждому надо как следует трудиться и ожидать награду в конце (ср.: ст. 14), но *каждый получит свою награду по своему труду* (8).

Акцент на служении принципиально важен в стремлении вновь обрести библейский взгляд на руководство. Именно этому учил Иисус: «А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий. Ибо кто больше: возлежащий, или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий» (Лк. 22:26,27). Разделение, соперничество, зависть возникают в церкви потому, что определенные руководители повелевают собранием, а народ Божий нередко это приветствует, поскольку так ему спокойнее жить и меньше забот. Авторитетом в церкви, истинно христианским авторитетом, должны пользоваться те, кто полагает свою жизнь за братьев, служа им и постоянно помогая. Любой другой авторитет – мирской, и его надо отвергнуть.

Хотя Павел стремится снизить роль отдельных руководителей, важно подчеркнуть: он не попадает в ловушку и не говорит, что деятельность Аполлоса или его самого не актуальна. Он подчеркивает, что благодаря их служению коринфяне уверовали в Бога (*служители, чрез которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь*, 5). В сравнении с Самим Богом *возвращающим* (7) они незначительны, однако играют принципиально важную роль в Божьем промысле. У каждого своя, только на него возложенная работа, которая требует немалых усилий (ср.: 15:10), и это верно по отношению к каждому христианину (15:58). Таким образом, вклад любого человека в Божью работу принципиально важен. Баррет пишет по этому поводу: «Павел запрещает как противостоять общине, так и растворяться в ней».

Если именно так понимать служение тех, кому в Божьей церкви вверено руководство, тогда коринфяне должны перестать говорить «я Павлов» и «я Аполлосов» – эти фразы носят личный оттенок. И Павел, и Аполлос – Божьи дары для коринфской церкви, и таким образом их и надо воспринимать.

Основание и строение (3:9—17)

Ибо мы соработникиу Бога, а вы Божия нива, Божие строение. 10 Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. 11 Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. 12 Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – 13 Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. 14 У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду; 15 А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня. 16 Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? 17 Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм – вы.

В ст. 9 Павел переходит от земледельческой метафоры к архитектурной: ...*вы Божия нива, Божие строение*. Как известно, строение нуждается как в основании (фундаменте), так и в надстройке. Подобно тому как Бог поручил ему насадить семена Евангелия в сердцах коринфян, Он же по Своей благодати дал ему возможность заложить основание для сильной церкви в Коринфе.

Павел называет себя *мудрым строителем*, человеком, который использует в работе весь свой опыт и знания, а также дает задания другим работникам. Слово «архитектор» восходит к греч. *architekton* («строитель»). Совершенно очевидно, особенно для самого архитектора, что он не может строить в одиночку, и должен полагаться как на свое мастерство, так и на сноровку и тяжелый физический труд многих соработников. Свою работу Павел выполнил: он заложил основание церкви, возвещая об *Иисусе Христе, и притом распятом* (2:2). Теперь он стремится заверить коринфских христиан, что их вера зиждется на фундаменте Божьей силы, на самом Иисусе, единственном прочном основании (ср.: 2:5 и 3:11).

Кое-кто в Коринфе рассуждал так, как если бы сам Павел являлся краеугольным камнем их церковной жизни, однако ни один человек не может поддержать жизнь церкви или христианина, о какой бы церкви или христианине ни шла речь. Пасторы или проповедники уходят и умирают – живет только церковь, основанная на вере в Иисуса Христа. Быть может, здесь содержится скрытый намек на партию Петра, члены которой вполне могли полагаться на своего руководителя как на камень и основание церкви⁴⁶.

После закладки прочного основания должно начаться строительство самого здания. Павел заложил основание, *а другой строит на нем (10)*. И действительно, в созидание коринфской церкви было вовлечено несколько человек, и на всем протяжении послания Павел призывает к строительству церкви в вере и любви. Это явствует из гл. 8, 10 и 14 и, как скрытый импульс, ощущается вообще во всем послании.

Принято считать, что в ст. 12–15 речь идет о том, каким предстанет каждый христианин в *День Господень*. В контексте этих стихов Павел, по существу, говорит о качестве работы, проделанной теми, кто содействовал созиданию церкви в Коринфе. *Но каждый смотри, как строит (10)* – идет ли речь об Аполлосе или Петре, о местном руководстве или каждом члене коринфской церкви в отдельности.

Павел предвидит наступление дня (ср.: 1:8), когда *обнаружится (13)* истинная природа дел любого христианина, и каждый сможет ее увидеть, *потому что в огне открывается*. Этот *огонь испытывает дело каждого, каково оно есть*, то есть определяет его качество. Речь пойдет не о том, сколь оно было успешным, действенным, известным и какую поддержку нашло среди людей. Станет ясно, какой материал использовался: обернутся ли эти дела *золотом, серебром и драгоценными камнями*, или окажутся всего лишь *деревом, сеном*

⁴⁶ Описывая свои разногласия с Петром, Иаковом и Иоанном в Гал. 2, Павел называет этих трех апостолов «столпами» (2:9).

и *соломой!* Окажется ли дело коринфских христиан тем, что Бог совершил Своим Духом, или же это будет нечто, воздвигнутое самими людьми ради своей пользы и славы? Материалы, из которых сделано строение, легко приукрасить, и тогда оно будет выглядеть прочным и внушительным. Но *День Господень покажет* (ср.: Мал. 3:1 и дал; 2 Фес. 1:6—12), чем оно является на самом деле.

Итак, если мы принимаем участие в созидании Божьей церкви, нам надо молиться, чтобы наши добрые решения и поступки, основанные на вере, были исполнены Божьей силой и благодати и чтобы мы стремились лишь к прославлению имени Иисуса Христа. Если наше христианское служение таково, мы *получим награду* (14). Несомненно, дело любого христианина не безукоризненно, и нам придется пережить глубокую печаль, видя, как много совершенных нами дел *сгорит*. Это должно побуждать всех христиан с большим вниманием относиться к тому, что и как мы строим. Однако какой бы урон мы ни понесли, ничто в вечной правде этого огня не сможет отлучить нас от любви Бога и Его спасения. В силу того, что Иисус Христос совершил на кресте, «*благоугодно* было Богу спасти» уверовавших в Него (1:21). Сколько бы ни было в нашем деле дерева, сена, соломы и прочего хлама, это не может ввергнуть нас в круговорот вечной гибели: *А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня* (15).

Тем, кто уверовал в Христа, распятого ради нашего прощения, очищения и вечной жизни, не надо бояться никакого осуждения, даже со стороны Святого Бога, знающего наши самые сокровенные тайны. Сам Иисус сказал: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5:24). Стихи из гл. 3 заставляют нас со всей серьезностью отнестись *как* к несомненному факту вечной жизни, *так* и к тому, что Господь тщательным образом рассмотрит наше повседневное христианское служение. Он глубоко озабочен судьбой церкви, Своего строения (9): это Его храм, и Его Дух пребывает в любой поместной церкви (16). Таким образом, нет ничего удивительного, что Он готов *покарать* всякого, кто использует данные им таланты, чтобы лишить жизни Его церковь, разрушить Божий храм (ср.: Иак. 4:5).

Перед нами одновременно и предостережение, и ободрение: *...ибо храм Божий свят; а этот храм – вы* (17). Бог никому не позволит плохо обращаться со Своим живым храмом, не говоря уже о том, чтобы разрушить его. Поэтому мы не должны позволять, чтобы с нами обходились жестоко и равным образом сами не должны так поступать по отношению к другим. *Дух Божий живет в вас* (16), то есть во всех членах церкви как в Телe Христовом (в Коринфе или в каком-либо другом месте). Позднее Павел особо подчеркнет, что Божий Дух живет в теле каждого христианина, которое тоже представляет собой «храм... Святого Духа» (6:19). Осознав эту истину, мы сможем сделать глубокие практические выводы.

Мудрость мира сего (3:18–23)

Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым. 19 Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: «уловляет мудрых в лукавстве их». 20 И еще: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны». 21 Итак никто не хвались человеками, ибо все ваше: 22 Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; 23 Вы же – Христовы, а Христос – Божий.

Заключительные строки гл. 3 вновь возвращают нас к теме мирской мудрости и тщетности любого восхваления стоящих у власти. Мир, конечно же, думает иначе, однако *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (19). Истинно мудрые в глазах Божьих – те, кто сознательно отвергает эту мирскую мудрость и по отношению к людям и вещам занимает такую позицию, которую всякий назовет безумием (18). Согласно такому представлению, для восхваления себя или кого-либо другого нет никаких оснований, потому что все и вся

– это Божий дар недостойным грешникам, включая таких почтенных апостолов и учителей, как Павел, Аполлос и Кифа, не говоря уже о мире, жизни и смерти, настоящем и будущем. Следовательно, совершенно неуместно хвалиться людьми или вещами, которые щедро дарованы нам великодушным Богом. И действительно, заключает Павел, тот факт, что они даны нам как дар Его благодати, должен постоянно осмысляться в контексте того, что мы принадлежим Самому Христу (...вы же – Христовы, 23). Он доводит свою аргументацию до логического конца, подчеркивая, что *Христос – Божий* (23), и, видимо, тем самым указывая на зависимость Сына от Отца и на Его послушание Отцу (ср.: 1 Кор. 15:28).

Служители и домостроители (4:1–7)

Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих; 2 От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным. 3 Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. 4 Ибо, хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь. 5 Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога.

Если у коринфян сложилось совершенно неправильное представление о том, кто такие Павел, Аполлос и Петр, то кто же они на самом деле? *Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих* (1). Ориентированные на людей, коринфяне выражали им свою преданность. Это была преданность людям Божьим, но всего лишь людям. Именно так поступал и учил мир – и так происходит в нем и поныне, не в последнюю очередь благодаря мощному влиянию телевидения. Каждый раз, когда церковь следует каким-то известным именам и начинает ориентироваться на человека, она необдуманно подражает миру. Нет, говорит Павел, не превозносите людей: вы – не их слуги, а вот они – ваши служители. Слово, переведенное как *служители*, необычно, и буквально означает второстепенного гребца, то есть того, кто просто следует указанием вышестоящего и выполняет свою работу. Этот вышестоящий – Иисус Христос.

Второе слово, *домостроители*, для Нового Завета довольно обычно. Греч, *oikonotos* представлял собой эконома-домоправителя (управителя) или надзирателя (нередко из рабов), задача которого состояла в том, чтобы снабжать господ большого имения пищей и всем необходимым. Он нес ответственность не перед товарищами, а перед своим господином. От него не требовалось проявления собственной инициативы и, тем более, власти. Он просто исполнял повеления своего хозяина и следил за его делами. Таким образом, Павел считает, что он несет ответственность не перед коринфянами или *другими людьми* (3), а только перед *Господом* (4). Он прекрасно понимает, что должен дать отчет в своем домостроительстве, и острое осознание этого заставляет его не просто внимательно относиться к нуждам коринфян. Он не собирается ими повелевать. Он не намерен заискивать перед ними. Он не намерен поступать безответственно, равно как не намерен лишать их того, что дал Бог. Подобно хорошему домостроителю, он хочет сделать так, чтобы в нужное время они получали правильное питание. Он должен им давать только то, что сам получил от своего хозяина. Как Божий служитель, он прежде всего руководствуется мыслью о том, что однажды ему придется предстать с отчетом перед Богом (ср.: Евр. 13:17; Иак. 3:1).

Воспринимая себя и других в качестве *домостроителей*, Павел призывает коринфян воздерживаться от оценок: не осуждайте нас, но и не превозносите. Предоставьте это дело Господу: Ему предстоит вынести окончательное решение. Если кто-нибудь окажется достойным похвалы за свое домостроительство, Господь Его похвалит (5). *Не судите никак прежде времени*, то есть до тех пор, пока все не станет ясным, а это произойдет лишь тогда, когда *придет Господь. Он осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечное намерение* (5), причем доброму служителю или управителю не следует бояться этого. Павел не чувствует за

собой никакой вины за то, каким образом он до сих пор совершал свое управление, домо-строительство (4), однако сама по себе чистая совесть не тождественна полному оправданию: только Бог, праведный Судья, может и наказать, и оправдать. Павел с радостью готов предоставить решение Богу.

Особый интерес вызывает ст. 4. Его первую часть можно истолковать примерно так: «Моя совесть чиста, однако я не оправдываюсь на этом основании». О том, как Павел понимал роль совести, сказано в Послании к Римлянам. «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, – в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков чрез Иисуса Христа» (Рим. 2:14–16). Павел сам однажды сказал Феликсу, правителю Иудеи: «Посему и сам подвигаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми» (Деян. 24:16). Однако даже если бы совесть и мучила его, он знал две ободряющих и очищающих тайны, суть которых кратко выражена в следующих отрывках: «Кольми паче Кровь Христа... очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному» и «...Бог больше сердца нашего и знает все» (Евр. 9:14; 1 Ин. 3:20).

Греческие и римские философы (например, Платон и Сенека) полагали, что совесть – это верховный судья. Однако Павел считает, что такая прерогатива принадлежит одному лишь Богу. Основная причина, по которой Павел может ощущать свою совесть, заключается в том, что силой Христова креста Бог «оправдывает нечестивого» (Рим. 4:5), поэтому, когда в ст. 4 апостол говорит, что ничего не знает за собой, он не оправдывается, но тем самым указывает на единственную причину оправдания и единственный источник чистой совести – на «Иисуса Христа, и притом распятого». Нет ничего удивительного в том, что именно это он и сделал по сути основой своей проповеди.

Интересна заключительная фраза ст. 5, потому что в оригинале ударение падает на первое и последнее слово: *Тогда... от Бога*, то есть истинный Суд будет именно тогда, когда придет Иисус, а не раньше и уж точно не сейчас, когда всякий суд является нечем иным, как «предубеждением»; а что касается похвалы, то она будет *от Бога*, а не от кого-либо другого, будь то в Коринфе или где-либо еще.

Через учение, изложенное в этом отрывке, христианам открывается путь к истинной свободе. В прошлом Павел был жестоким гонителем христиан, как сам он позднее с готовностью признавался (15:8,9), однако он пережил столь глубокий опыт прощающей Божьей благодати, что смело мог сказать: *...я ничего не знаю за собою* (4). Всю свою оставшуюся жизнь (после встречи с Господом на пути в Дамаск) он посвящает служению Христу и домо-строительству тайн Божьих⁴⁷. Он знает, что критерием оценки его служения для Господа будут не успех или популярность, а верность: *От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным* (2)⁴⁸.

Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один пред другим. 7 Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?

⁴⁷ По аналогии с греческими мистериальными религиями, фраза «тайны Божьи» относится ко всему, что Бог должен разделить со Своим народом, то есть ко всем небесным богатствам. Эту фразу ни в коей мере нельзя связывать только с тем, что является сутью Евхаристии, однако, несомненно, смерть Христа – событие, благодаря которому это таинство стало нам доступно.

⁴⁸ Такой же урок свободы нам дает и Сам Иисус: «Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого господин его придет найти поступающим так» (Мф. 24:45–51). Параллельный отрывок из Евангелия от Луки (Лк. 12:41–48) завершается классическим призывом ко всем, совершающим христианское служение: «И кому много вверено, с того больше взыщут».

В коротком фрагменте 4:6,7 кратко излагается учение, относящееся не просто к этому разделу (4:1–5), но к гл. 3 и 4. Под словом *это* (6), вероятно, подразумевается материал, уже изложенный в этих двух главах. Павел утверждает, что его анализ природы христианского руководства имеет силу во все времена, однако здесь ради блага коринфян он применяет его к самому себе и к Аполлосу. Даже в Божьих дарах коринфяне умудрялись усматривать причину для хвастовства. Павел, однако, утверждает, что они ничем не отличаются от любой другой церкви. *Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?* (7). Любое истинное служение в церкви осуществляется Богом, кто бы его ни совершал и каким бы оно ни было: смешно превозноситься *один пред другим* (6).

Пустота, образовавшаяся в жизни коринфской церкви, возникла из-за отсутствия любви: «любовь не превозносится» (13:4). Напротив, «любовь назидает», тогда как «знание надмевает» (8:1). Именно это «знание», эта ложная мудрость коринфян, и заставляло их мудрствовать *сверх того, что написано* (6). Эту трудную фразу Баррет истолковывает в том смысле, что она призывает к «жизни в соответствии с библейским наставлением и примером»⁴⁹. Фраза «идти дальше Писания» воспринимается как отличительная черта и девиз партии Христа. Ее члены рассматривали ветхозаветное Писание как нечто прошлое, с которым «зрелым» христианам следует расстаться. Вполне возможно, фраза «ничего, кроме того, что написано», сказанная в ответ, была иудейской формулой, принесенной в Коринф партией Петра. Мы вряд ли когда-нибудь точно узнаем, какой смысл несет в себе эта в определенной мере важная тематическая аллюзия. Смысл этих двух стихов заключается в том, что когда люди, всем обязанные Божьей благодати, начинают хвалиться тем, что у них есть, они ведут себя как безумцы.

6. Цари и нищие (4:8—13)

Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать! 9 Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти; потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. 10 Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немоцны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. 11 Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, 12 И трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; 13 Хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне.

Когда коринфяне начинали превозноситься, они были глубоко убеждены, что реально являются успешной, живой, зрелой и действенной церковью. Этих христиан удовлетворяла их духовность, руководство и общий характер их совместной жизни. У них сложилась иллюзия, что в своем стремлении к совершенству они достигли вершины. Они думали, что уже «прибыли». Отсюда и ирония, которая слышится в употреблении Павлом слова *уже* (два раза в ст. 8): «...вы пресытились... вы обогатились... вы стали царствовать» — *уже!* Это слово указывает на то, что Павел убежден: данный аспект составляет важную часть христианской вести, однако в земной жизни это нельзя испытать сполна: мы насытились, обогатились, вознеслись до царствования с Христом (ср.: 1:4–9), однако здесь и сейчас мы не войдем полностью в Его наследие. Перед нами – богословие славы, но ее надо поместить в контекст богословия креста, которое Павел продолжает развивать в ст. 9–13.

Он с готовностью признает, что был бы рад вместе с коринфянами обрести полное освобождение во Христе: *О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!* (8). Он был бы рад освободиться от всякого преследования, гонений, уныния и по-настоящему тяжелого труда быть *безумным Христа ради* (10). Быть может, коринфяне уже

⁴⁹ Barrett, p. 106.

и достигли высот, но только не он. Они считают себя сильными, а он прекрасно сознает свою слабость. Они гордятся своим положением и тем уважением, которое оказывается им в миру, а его мир осмеивает и презирает. В отрывке, напоминающем сильные высказывания апостола о собственной слабости и уязвимости (2 Кор. 4:7—11; 6:3—10; 11:23—33), Павел говорит об истинных признаках своего служения. «Раб не больше господина своего» (ср.: Ин. 13:16; 15:20), и ради Христа он уподобился земному праху (13). Павел считает, что апостолы в высшей степени призваны к этому страданию. В своем воображении он рисует триумфальное шествие римского генерала по его возвращении в Рим. Пленники и трофеи выставлены на радость собравшимся, на общее обозрение, кульминационным моментом которого становится показ захваченного в плен полководца или царя, уже *приговоренного к смерти*. В таком положении находятся апостолы.

Людям, которые, подобно коринфянам, озабочены собственным положением, репутацией и известностью, бесконечно трудно понять, в чем заключается подлинно христианское служение, не говоря уже о том, чтобы принять его. Истина о том, что Божья сила совершается в нашей немощи, доходит до нас очень медленно. Мысль о том, чтобы сделаться *позорищем для мира, для Ангелов и человеков* (9), неприятна нам, поскольку она означает, что нам придется жить под критическим и нередко презрительным взглядом, пристально исследующим всех и каждого. Мы естественным образом стремимся оградить от этого себя и свою жизнь, позволяя лишь тем, кого мы избрали, войти в нее и увидеть нас такими, какие мы есть.

Нет никакого социологического или иного случайного феномена в том, что христианская церковь пополняет свои ряды в основном за счет бедняков из стран третьего мира. Этот рост точно отражает то, каким образом христиане больше соответствуют той христианской жизни и тому служению, которые описаны в Новом Завете. «Бог *избрал* немудрое мира... и немощное... и незнатное мира и уничиженное» (1 Кор. 1:27,28). Именно эта Божественная мудрость интересует не только людей, но и ангелов (когда они имеют возможность видеть ее в действии, ср.: 1 Пет. 1:12). Церкви было поручено, чтобы «начальствам и властям» стала известна Божья премудрость, явленная через крест Христа (ср.: Еф. 3:8—11).

На основании метафоры о царях и нищих необходимо заострить внимание на трех принципах христианского служения. Во-первых, если наше место – среди тех, кто получает благословение в своей христианской жизни и труде, следовательно, кто-то испытывает гонения. Во-вторых, если мы сами переживаем эти гонения и постигаем истинную цену христианского служения, то можем быть уверены: существует истинно освобождающее благословение в жизни тех, с кем мы встречаемся (сознательно или неосознанно, прямо или косвенно) (ср.: 2 Кор. 4:12). В-третьих, все христиане одновременно являются *и* принцами, *и* нищими, то есть подлинно христианский опыт заключается в том, чтобы чувствовать себя богатым во Христе и, тем не менее, знать, что мир тебя презирает. Здесь мы никогда не достигнем полного счастья, ибо не будем совершенно здоровыми, не получим мгновенного наставления, наша радостная связь с Господом не будет постоянной. Мы по-прежнему остаемся людьми, живущими в этом мире, мы все также смертны, все также обращены к греху, миру, плоти и дьяволу; нам по-прежнему надо бороться, быть бдительными и молиться, и мы все так же будем падать и постоянно терпеть неудачи. Да, победа, сила, исцеление, руководство, спасение – все это *существует*, но мы этого еще не достигли. Мы живем в двух мирах, и поэтому должны постоянно ощущать их напряженную взаимосвязь. Истинную ситуацию, в которой мы находимся, Павел описывает так: «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:29).

7. Отцы и дети (4:14–21)

Не к постижению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. 15 Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но немного отцов: я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. 16 Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. 17

Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе Иисусе, как я учу везде во всякой церкви. 18 Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились; 19 Но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу, 20 Ибо Царство Божие не в слове, а в силе. 21 Чего вы хотите? с жезлом прийти к вам, или с любовью и духом кротости?

В ст. 14 Павел как бы признает, что в предыдущем отрывке был близок к сарказму, и теперь удерживается от него, заверяя коринфян, что не стремится постыдить их (*не к постыжению вашему*) каким-либо недостойным образом. Он хочет пробудить в них здоровое чувство стыда (ср.: 1 Кор. 5:2; 6:5; 11:22; 15:34), при этом подчеркивая, что обращается к ним, как отец к своим *возлюбленным детям* (14).

Прежде чем проследить, каким образом Павел видит себя отцом коринфских христиан, необходимо отметить, что он не усматривает в этом никаких властных полномочий, не говоря уже о том, чтобы воспринимать себя как человека, занимающего какое-то особое положение. Наверное, он хорошо помнит слова Иисуса: «И отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах... <...> Большой из вас да будет вам слуга» (Мф. 23:9—11). То, что в некоторых конфессиях наименование «отец» дается рукоположенным служителям и принимается ими, бросает вызов учению Иисуса. Надо сказать, во многих сферах церковной жизни часто дает о себе знать патерналистский, все подавляющий стиль руководства, даже если наименование «отец» не употребляется. Религия, лежащая в основе этой установки, не внушает таких серьезных опасений, как небиблейское богословие, которое способствовало установлению такого взгляда на статус и авторитет в церкви и до сих пор его одобряет. Это лжеучение представляет собой самое тяжелое препятствие для возрастания и духовного здоровья церкви. Оно оказывает влияние на церковное единство, благовествование, богослужение, служение мирян, женское служение, а также на богословскую подготовку. По существу, в любом аспекте миссии Божьей церкви будут встречаться преграды до тех пор, пока будет сохраняться этот антихристианский взгляд на руководство.

Павел, конечно же, считает себя отцом коринфских христиан (и особенно Тимофея, своего *возлюбленного и верного в Господе сына*, 17) в том смысле, что он благовествовал им и, следовательно, нес ответственность за их веру в Христа. Как всякий отец (знающий, что дети всегда подражают отцам), он стремился дать им пример такого поведения в повседневной жизни, которого и ожидают от христиан. *Посему умоляю вас: подражайте мне* (16). Что касается Тимофея, то его задача заключалась в напоминании им *о путях Павла во Христе* (17). Для Павла пример Христа имел первостепенное значение во всех случаях и повсюду (*как я учу везде во всякой церкви*, 17). Это подчеркивает принципиальную важность примерного поведения в повседневной жизни всех, кто призван к руководству в церкви. Коринфянам не довелось увидеть Иисуса во плоти, у них не было Библии, но зато они видели Павла (ср.: 11:1). Многие другие проповедники тоже указывали путь к Христу⁵⁰, однако он был первым, кто прошел к ним весь путь с благовествованием: *Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (15).

Таким образом, теперь Павел обещает прийти к ним как отец. После временного отсутствия отец хочет вернуться домой *с любовью и духом кротости* (21), а не с *жезлом*. Многие из коринфян, которых он привел к вере в Христа, стали вести себя горделиво и заносчиво, не обращая никакого внимания на Павла и его служение и внося в церковь великую смуту и разделение. Отцовское сердце Павла глубоко скорбело от такого поведения, и в какой-то мере эта боль слышится в его словах, сказанных в Послании к Галатам: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Тал. 4:19).

⁵⁰ Словом *наставник* в ст. 15 переведено греч. слово «педагог», которое Павел использует в Гал. 3:24 («детоводитель»), говоря о роли закона, который подготавливает человека к пришествию Иисуса Христа как Спасителя.

Дети часто громко и заносчиво о чем-нибудь заявляют: это говорит об их незрелости. Слов много, но мало сил, чтобы воплотить эти громкие слова в дело. Поэтому Павел заканчивает эти две главы так же, как он их начал, – сильной (и глубоко прочувствованной) мольбой о том, чтобы коринфяне прекратили превозноситься и стали более зрелыми: *Ибо Царство Божие не в слове, а в силе* (20). Он нечасто использует словосочетание *Царство Божие*, столь распространенное в синоптических Евангелиях, но прибегает к нему, лишь когда говорит о чем-то принципиально важном. Апостол даже не объясняет, в чем его смысл: он принял его как суть благовестия – и возвещал день за днем⁵¹.

---

⁵¹ Ср.: ниже комментарии к 6:9,10.

5:1-13; 6:9-20

5. Избегать блудодеяния

Еще одной серьезной проблемой коринфян, свидетельствующей об их духовной незрелости, была сексуальная распущенность. По-видимому, в Коринфе было распространено сексуальное отклонение, к вопросу о котором Павел теперь и обращается.

1. Постановка проблемы (5:1—2а)

Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. Швы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать...

Вспомним, что Коринф был морским портом, где процветал сексуальный разврат. Вряд ли какой-нибудь новообращенный коринфянин не испытывал на себе пагубного влияния той или иной его формы. Сексуальная распущенность опутывала, подобно спуту, и яд ее проникал глубоко. В такой ситуации возникала опасность неверного отношения к данной проблеме: либо сурового осуждения сексуальных отклонений, либо проявления полной беспечности по отношению к ним. Сегодня нечто похожее можно наблюдать в Калифорнии, где безнравственность во всех ее видах проникла в действующую церковь. В результате один пастор сказал: «Не проходит и недели, чтобы мы не услышали о том, что один христианский руководитель оставил свою жену, другой убежал с секретаршей, третий вступил с кем-то в гомосексуальные отношения или столкнулся с определенным нравственным кризисом в своей церкви». Далее, касаясь двух посланий Павла, он называет их «Первым и Вторым посланиями к Калифорнийцам» – настолько актуально учение апостола в этом городе.

Павел формулирует проблему следующим образом: *Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего.* В оригинале буквально сказано: «Человек имеет жену своего отца». Речь, вероятно, идет о сексуальных отношениях с мачехой, которая является женой или любовницей сына при живом отце. Это было запрещено Торой (Лев. 18:8; Втор. 22:30; 27:20), и «запрет перешел в церковь»⁵². Моррис⁵³ не уверен, «означает ли это, что обидчик соблазнил свою мачеху, или она развелась с его отцом, или отец умер, оставив ее вдовой... Ясно одно: заключался незаконный союз, причем неприятный». Речь шла об инцесте, о кровосмешении⁵⁴, которое приводило в ужас даже языческих мыслителей⁵⁵.

Хотя в данном случае Павел столкнулся с весьма неприятной проблемой, суть вопроса заключается в более общем по своему значению слове, которое в 5:1 переведено как *блудодеяние*. В оригинале употребляется слово *porneia*, что буквально означает «обращение к проституткам». В Коринфе жрицы храма Афродиты были священными проститутками и процветали в атмосфере *porneia*. Благодаря последовательному новозаветному употреблению, это слово стало означать любое сексуальное поведение, нарушающее христианскую норму, то есть всякую половую связь, которая возникает до замужества или женитьбы, вне брака или просто неестественна. «Это слово используется в широком смысле, в том числе в связи с нарушением седьмой заповеди»⁵⁶.

---

⁵² Bruce, p. 53.

⁵³ Morris, p. 86.

⁵⁴ Согласно Моррису, но не Баррету (p. 121).

⁵⁵ Ср.: Cicero, *Pro Cluentio* 5.14.

⁵⁶ Hodge, p. 81.

История церкви показывает, что сатана сильно искушает людей в сексуальном плане, это его обычная тактика, призванная угасить духовную жизнь. Здесь, в гл. 5, Павел пишет об особо бесстыдной форме аморального поведения. Мы должны с осторожностью применять его учение, рассматривая каждую конкретную ситуацию. В 6:9—20 он ясно обрисовывает принципы христианского общежития. В тот момент его больше всего заботило отсутствие общего интереса коринфских христиан к тому, что происходит. По-видимому, его не так пугало само их распутство, как гордыня, которую они проявляли: *Ивы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать* (5:2).

Высокомерие и гордыня входили в число наиболее опасных грехов церкви в Коринфе. Прежде чем специально остановиться (в 13:4) на том качестве, которое истинные христиане никогда намеренно не демонстрируют, Павел рассматривает, по меньшей мере, три случая проявления коринфянами гордыни. Речь идет об их ревности и зависти друг к другу (4:6), об их отношении к самому Павлу (4:18,19) и о «надмевающим» знании (8:1). Все эти чувства в достаточной мере характерны и поныне. Павел особенно глубоко чувствует, насколько коринфяне не осознают чрезвычайной опасности греха, который ставит их в оппозицию по отношению к христианству. «Живая церковь должна восстать как один человек, совершить акт смирения и восскорбеть, как единая семья по смерти одного из ее членов»⁵⁷.

Такая ситуация проливает свет на три важных момента: необходимость дисциплины (5:26–13), необходимость ясных убеждений (6:9—11) и необходимость чистоты (6:12–20) – и все это должно быть сфокусировано на Иисусе Христе.

2. Необходимость дисциплины (5:26–13)

О необходимости дисциплины Павел говорит простыми словами: *... дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело* (26). Надо отметить, что в данном случае Павел ничего не говорит о женщинах, потому что, вероятно, они не были христианками и, следовательно, христианская дисциплина на них не распространялась, или потому, что в такой ситуации, с точки зрения Павла, мужчины в большей степени заслуживали порицания. Нам следует понять, сколь строгой была такая дисциплина: человек изымался *ek mesou*, то есть из среды верующей и совершающей богослужение общины. Перед нами – отлучение, невозможность участвовать в Вечере Господней и, следовательно, полная невозможность участия в жизни общины. Чем была вызвана необходимость столь строгой дисциплины? Желанием блага как самому провинившемуся, так и христианской общине.

1) Дисциплина необходима во благо провинившемуся (3–5)

А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, 4 В собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, 5 Предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа.

Павел говорит, почему каждому человеку необходимо следовать дисциплине: *... чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа* (5). В основу нашего отношения к людям должно быть положено знание о том, что подлинный смысл жизни – это стремление к спасению. Если Бог считает, что тому или иному человеку следует пострадать в этой жизни, чтобы спастись, то, следовательно, так и должно быть.

Для того чтобы описать, каким именно будет наказание, Павел прибегает к очень экспрессивному языку. Решение выглядит окончательным и безоговорочным, и это, вероятно, происходит благодаря авторитету апостола, непререкаемому даже в его отсутствие. Павел уже решил, как бы находясь у вас, как поступить с человеком, *сделавшим такое дело* (3,4). Как бы ни противились коринфяне авторитету Павла как апостола, они, наверное, все равно почувствовали всю силу этого заявления.

⁵⁷ Godet, I, p. 242.

Не исследуя всех возможных вариантов перевода этого отрывка, можно сказать, что, по всей вероятности, дисциплинарное воздействие в целом Павел помещает в три контекста: абсолютный авторитет Иисуса Христа (*во имя Господа Иисуса*), присутствие всей христианской общины в Коринфе (поддерживаемое его собственным присутствием *в духе*, 3) и верховный контроль Господа над всем, что позволено сделать сатане, даже по отношению к мятежному христианину. Иными словами, в данном случае речь идет не о какой-либо произвольной дисциплинарной мере, осуществляемой несколькими руководителями, или о каком-то одностороннем принятии решения без обращения к Павлу как к апостолу, наделенному авторитетом; и, тем более, речь идет не о христианине, который (пусть даже повинный в мерзком грехе, здесь описанном) якобы лишился надежды на вечное спасение и утратил состояние благодати. Напротив, худшее, что может сделать сатана (*измождение плоти*, 5), полностью подвластно Иисусу Христу. По существу, церковная община может предать согрешившего сатане только *силою Господа нашего Иисуса Христа* (4).

Когда современная церковь не может наладить должную церковную дисциплину, нередко причина кроется в том, что ее члены ошибочно считают, будто такие вопросы находятся в ведении руководства, а не общинного собрания. Здесь Павел обращает свой резкий упрек (*И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать*) ко всей церкви, а не к ее руководству. Мы снова видим, что коринфяне неверно понимали роль руководства в церкви (ср.: гл. 1–4). Ходж поясняет: «Любое общество имеет право – и это необходимо для его существования – оценивать, что представляют собой его члены. В данном случае ясно говорится о том, что это право принадлежит церкви... Эта возможность была дана коринфской церкви, а не какому-то чиновнику, ее возглавляющему. За отсутствие дисциплины или ее наличие порицали не епископа или пастора, а саму церковь как организованное целое»⁵⁸. Следовательно, там, где поведение отдельного христианина сказывалось на всей жизни местной церкви (как в результате выдающегося положения этого человека, так и вследствие того, что все собрание знало о таком поведении), дисциплинарное воздействие осуществлялось и разъяснялось, когда собиралась вся церковь. Конечно, такое публичное воздействие не всегда необходимо или уместно, кроме того, любая мера воздействия может осуществляться частным образом.

Однако существуют причины, способные помешать собранию исполнить то, что в каждом конкретном случае необходимо. Самым обычным и самым губительным является простое отсутствие подлинно дружеских отношений между братьями и сестрами во Христе. Так как христиане не привыкли по-настоящему делиться друг с другом своими переживаниями, им кажется, будто неуместно (а может быть, и самонадеянно) говорить о том, что надо сохранять определенную норму христианского поведения.

Другое препятствие заключается в том, что многие общины слишком велики и в них нет «единства». Так как по-настоящему друг друга знают лишь немногие, не возникает ощущения взаимной открытости.

Третья, довольно распространенная проблема, кроется в отсутствии необходимой близости между руководителем и теми, кем он руководит: в результате первый возносится на некий пьедестал, а вторые предпочитают мириться с таким положением вещей. Когда же какой-нибудь христианин нарушает Божий закон, будь то сам руководитель или кто-нибудь из рядовых членов церкви, возникает почти лицемерное чувство потрясения.

Есть христиане, которым мешает нечто совсем другое: они считают, что, вместо того чтобы осуждать и оценивать безнравственное поведение, церковь должна показать свое понимание тягот современной жизни, обрушивающихся на человека, – показать, не придерживаясь со всей строгостью нравственных норм, о которых говорится в Новом Завете. В

⁵⁸ Hodge, p. 83.

одной местной церкви женатый мужчина (который позднее развелся) более четырех лет жил с женщиной и в то же время, ничуть не таясь и с полного согласия пастора, выполнял руководящую работу. Потом те мужчина и женщина решили пожениться, испросив разрешения на благословение их союза в рамках еженедельного совершавшегося причащения, и пригласили друзей и родственников присоединиться к ним в праздновании их брачного союза. Какого же мнения о христианах после этого будут неверующие?

Слова этого фрагмента как вдохновляют, так и предостерегают. Самое плохое, что может сделать сатана, «враг» Бога и человека, ничуть не выходит за пределы власти Христа, осуществляемой Его церковью. Иисус ясно сказал ученикам: «... что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18:18). Если возникает настоятельная необходимость предать сатане того или иного христианина (такого, например, как этот коринфянин, или, быть может, как Анания и Сапфира [Деян. 5:1—11], или как Именей и Александр [1 Тим. 1:20]), предать с целью физического наказания, ограниченного сроком, – тогда самое худшее, что может с ним произойти, не выйдет из-под Божьей власти.

Это также становится очевидным из рассказа об Иове и, по сути дела, из всего служения Иисуса. Верховные Божьи замыслы *включают в себя* и разрушительную мощь сатаны. Какую именно форму может принять *измождение плоти* (5), остается неясным. Иов, например, был отдан сатане, чтобы тот «коснулся кости его и плоти его» (ср.: Иов. 2:5). Павел сам говорит о том, что ему дано «жало в плоть» как «ангел сатаны» (2 Кор. 12:7). Однако нельзя сказать, что Иов или Павел терпели наказание за какой-нибудь явный грех. Являясь рабами Божьими, они очищались, чтобы стать еще полезнее в служении⁵⁹.

Трудно по-настоящему оценить максимальную духовную беззащитность человека, пользовавшегося покровительством и преимуществами, которые ему давала Божья община, и вдруг всего этого лишившегося. Это все равно что высадиться на враждебной территории и оказаться среди чужих. Переживаемое потрясение может привести к чему-то, похожему на сердечный приступ, и вряд ли возможно переоценить воздействие сильной церковной дисциплины. В конце концов, вероятно, именно так и произошло в случае с Ананией и Сапфирой⁶⁰.

Важно подчеркнуть: жизнь согрешившего коринфянина, вероятно, стала совершенно никчемной на этой земле и, следовательно, была утрачена всякая надежда на то, что, достигнув полноты вечной жизни (ср.: 1 Кор. 3:11–15), он получит награду, которая дается за верное использование Божьих даров. Если такой человек и спасется, то чудом.

С другой стороны, если его не отлучить и не предать сатане во *измождение его земной плоти*, он, вероятно, рано или поздно станет полным отступником, который попирает Сына Божьего, заново распинает Его и становится одним из тех, кого совершенно невозможно возродить (ср.: Евр. 6:4–6). В этой связи я вспоминаю, как один опытнейший христианский служитель говорил (после более чем тридцати лет служения), что знал только двух человек, которых можно было назвать словом «отступник», – и один из них вернулся к Христу после смерти того служителя.

Иными словами, именно для блага коринфского христианина было необходимо подвергнуть его столь радикальному взысканию. Подобно Именей и Александру (1 Тим. 1:20), он решил попить свою совесть, и надо было заставить его вновь со всей остротой почувствовать вечные последствия такого «богохульства».

2) Дисциплина необходима для блага христианской общины (6–8)

⁵⁹ Согласно Брюсу, «слово „измождение“ может указывать на нечто большее, чем просто печаль или болезнь» (р. 55). Моррис считает, что Павел имеет в виду ситуацию, когда человек настолько отдается «плоти» (подразумевается низшая природа человека), что у него в результате появляется полное отвращение к плотским похотям и затем их неприятие.

⁶⁰ Моррис и Брюс не до конца уверены в том, что случившееся с Ананией и Сапфирой было результатом отлучения.

Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? 7 Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы безквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. 8 Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины.

Павел возвращается к заносчивости коринфян. *Нечем вам хвалиться* (6), – говорит апостол, и тем самым довольно искусно ставит коринфян на место. Раньше его волновали спасение и цельность природы отдельного коринфского христианина, теперь его беспокоит целостность и спасение церкви. Вполне возможно, что эти слова он пишет в преддверии ежегодного праздника Пасхи, так как чувствуется: говоря о решающем значении правильной дисциплины в христианской общине, он остро переживает детали этого праздника.

Каждый год на Пасху евреи вспоминали, как Бог освободил их из египетского рабства (ср.: Исх. 12). «Одна из особенностей празднования Пасхи заключалась в том, что до начала праздника торжественно разыскивалась и уничтожалась вся закваска⁶¹ (в течение семи дней можно было есть только опресноки). Очищение от всякой закваски проводилось до совершения пасхальной жертвы в храме»⁶². Празднование Пасхи прежде всего было празднеством верующей общины; Павел видит губительное противоречие в том, что коринфяне готовы терпеть старую закваску в тесте; пасхальный агнец (то есть Иисус) уже заклан; празднества (обычно длившиеся для иудеев неделю) уже начались и должны были стать постоянным отличительным признаком искупленной общины. Но в ней еще оставалась старая закваска – и немало. Сама природа христианской общины заключалась в жертве нового пасхального агнца и, следовательно, предполагала абсолютную чистоту⁶³.

Если в христианском братстве есть грешник, которого там терпят без всякого взыскания и который упорно продолжает вести себя вызывающе, он оскверняет собой все Тело Христово. Подобно тому как иудеи должны были праздновать свое освобождение из рабства, не употребляя ничего квасного, христиане должны непрерывно праздновать свое освобождение от греха, не вступая ни в какое соглашение с тем, отчего они были освобождены. В противном случае, все служение и общинная жизнь христианской церкви превратится в фарс, исполненный неискренности и лжи⁶⁴. Мы видим, что Павел говорит об умышленном и неоднократно совершаемом грехе в пределах общины. Годе называет это «деятельным попустительством»⁶⁵, а Ходж говорит, что речь идет о совершении зла «с наслаждением и постоянством»⁶⁶. Мы все совершаем грехи и нуждаемся в очищении, но мы обязаны безжалостно относиться ко всему, что изменяет нашему призванию и порочит наше братство во Христе. Павел не ожидает совершенной святости или абсолютной непорочности, он призывает лишь к *чистоте и истине* (8).

Первое из этих двух слов указывает на недопустимость сокрытия мотивов наших поступков. Это означает, что необходимо положить конец всему тайному, всякому притворству и обману, нельзя отчуждаться друг от друга. Это означает свободу. С помощью слова

⁶¹ Обычно в Библии образ закваски используется, чтобы упомянуть о чем–то злом, воздействующем на все, что к нему прикасается (напр.: Гал. 5:9). Исключением являются две притчи Иисуса, в которых Он обращается к этому образу, чтобы описать благотворное действие Небесного Царства (Мф. 13:33; Лк. 13:20,21).

⁶² Вгусе, р. 90.

⁶³ Вот что пишет по этому поводу Ходж (р. 87): «Подобно тому как кровь агнца, которой окропляли дверные косяки, избавляла от поражения ангелом смерти, кровь Христа избавляет от поражения Божьей правдой. Христос был заклан „за нас“, как пасхальный агнец был заклан за евреев. Это была заместительная смерть. Христос умер, чтобы искупить нас от всякого беззакония, и, если мы продолжаем жить в грехе, это не только противоречит смыслу Его смерти, но и свидетельствует о том, что мы не хотим воспользоваться ее благами».

⁶⁴ «Поговорка „малая закваска квасит все тесто“ говорит о том, что постоянное присутствие грешника в общине делает ее ответственной за его прегрешения» (G. Angel, *Dictionary of New Testament Theology*, Vol. 2 [Zondervan, 1982], p. 463).

⁶⁵ Godet, I, p. 266.

⁶⁶ Hodge, p. 88.

«свобода» (*eilikrineia*) акцент делается не на нашем совершенстве и безгрешности, а на открытости и честности, на хождении в Божьем свете и стремлении к тому, чтобы Бог осветил тьму (ср.: Ин. 3:19–21) и сделал нас ближе другу к другу и к Нему⁶⁷.

Именно в такой атмосфере открытости, искренности, правдивости и чистоты необходимо рассматривать собственные грехи и проступки, не стремясь к осуждению, но сохраняя открытость, мужество и последовательность. Именно такая прозрачность отношений и отличает христианскую общину от других сообществ. Павел воспринимает действительность вполне реально, поэтому не надеется, что любое поместное собрание в смысле нравственности станет совершенно безупречным.

Мощный стимул жить именно такой общинной жизнью заключен во фразе *так как вы безквасны* (7). Примечательно, что, по мнению Павла, любое известное ему собрание *безквасно*; удивительно, что он считает такой и коринфскую церковь, и уже просто поражает (и заслуживает более подробного рассмотрения) тот факт, что, обращаясь к этой церкви, погрязшей в бесстыдстве, он говорит, что ее члены *действительно безквасны*. Здесь ясно и кратко выражена основная мысль Павла по отношению ко всем христианам: «Вы безквасны, очищены от зла, свойственного вам по природе, поэтому *станьте* такими, какие вы есть». В этом – суть богословия Павла и смысл его призыва к святой жизни: «Посмотрите, что Бог сделал для вас во Христе... А теперь постарайтесь осуществить то, что Он сделал возможным».

В этом и заключается причина его настоятельного призыва праздновать: *Посему станем праздновать* (8). Быть может, Павел имеет в виду особую радость празднования Пасхи. Если апостол писал данное послание незадолго до этого праздника, он больше всего стремился помочь коринфской церкви не лишиться себя всей полноты радостного пасхального празднества. В таком случае, здесь содержится самое раннее упоминание об особом отношении христианской церкви к празднику Пасхи. Павел, наверное, напоминает коринфянам (если говорить словами современного плаката): «Мы – люди Пасхи, и наша песнь – „Аллилуйя!“», то есть мы живем по другую сторону креста и воскресения и поэтому некоторые наши привычки просто неуместны; до тех пор, пока мы их придерживаемся, мы не можем праздновать в истинном смысле, будь то общественное богослужение или наша повседневная жизнь.

Празднование – отличительная черта христианской общины, отсюда и перевод Лайтфута: «Станем праздновать непрестанно»⁶⁸. Сегодня мы можем праздновать Пасху, используя появившиеся возможности, а именно: в течение года исполняя хорошо известные пасхальные песнопения, воспринимая свое участие в Вечере Господней как обновление обетований, полученных при крещении (умирая и воскресая с Христом), постоянно обращая внимание на совершенно новые нормы поведения, которые ожидаются от тех (и доступны тем), кто стал причастником воскресающей силы Иисуса. В этом смысле мы можем по достоинству оценить слова Годе, сказавшего, что «пасхальное празднество христианина длится не неделю, а всю его жизнь»⁶⁹. Иоанн Златоуст говорит об этом так: «Для истинного христианина – всегда Пасха, всегда Пятидесятница, всегда Рождество».

⁶⁷ Слово *eilikrineia* употребляется в Новом Завете пять раз, причем четыре из них имеют самое непосредственное отношение к этому отрывку. Во-первых, мы должны быть честными и открытыми во всех наших словах (2 Кор. 2:17). Во-вторых, в своих *мыслях* мы должны быть открытыми к восприятию новых истин и готовы погружаться в проблемы, которые могут показаться опасными (2 Пет. 3:1). В-третьих, все наше *поведение*, как в церкви, так и в миру, должно излучать Божью благодать (2 Кор. 1:12). В-четвертых, это будет способствовать формированию нашего характера в свете «Христового дня» (Флп. 1:10).

⁶⁸ Греч. глагол употребляется в настоящем длительном времени.

⁶⁹ Godet, I, p. 266.

Мир жаждет увидеть такую церковь, которая серьезно относится к греху, от всей души радуется прощению, а во время совместных собраний сочетает радостное празднование с благоговейным ощущением Божьей близости и власти. Стэдман пишет: «Когда мы живем, побеждая силы, которые уничтожают других, люди начинают понимать, что есть смысл, цель и причина спасения, которым, согласно нашему исповеданию, мы обладаем».

Но этого никогда не произойдет, если мы откажемся проникнуться сочувственным и жертвенным участием к людям этого мира. Отсюда и важные предостережения, которые Павел делает в ст. 9—13, исправляя некоторые ложные выводы, сделанные коринфянами в ответ на его предыдущее послание (9).

3) *Некоторые предостережения (9—13)*

Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; 10 Впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего; 11 Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе. 12 Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? 13 Внешних же судит Бог. Итак извергните развращенного из среды вас.

Та легкость, с которой христиане могут решить не общаться с неверующими, резюмируется в уточнении, содержащемся в ст. 9—11. В предыдущем послании Павел предостерегал коринфян от смешения, от контактов с «блудниками». Неясность, вероятно, возникла из-за двоякости смыслового оттенка греч. слова *synanamignysthai*. Оно могло означать как запрет на всякую социальную близость, так и запрет на всякий социальный контакт. Вероятно, решившись на некоторое сознательное искажение, коринфяне взяли на вооружение второе значение и стали применять его ко всем без исключения. Павел же имел в виду осознанное поддержание тесных дружеских отношений с теми, кто, формально называя себя христианами, продолжал упорствовать в грехе.

Вполне возможно, что те члены коринфской церкви, которые были настроены более законнически, решили усмотреть в наставлении апостола *дозволение* на разрыв всяких отношений с миром. В конце концов, Коринф являл для христиан довольно мрачную картину, особенно для тех, кто совсем недавно избегнул его наиболее отвратительных пороков. У многих христиан срабатывает некий подсознательный механизм отключения, когда дело доходит до настоящего участия в жизни секулярного мира. Этот мир кажется слишком опасным и слишком соблазнительным. По существу, Павел намекает на эту склонность в ст. 10: *Впрочем не вообще* (греч. *oupanTos*) *с блудниками мира сего*.

На протяжении веков христиане не всегда внимали Божьему призыву без остатка участвовать в жизни мира, беря за образец воплощение Господа. Прежде всего, некоторые пытались избежать этого, скрывшись за маской ложного благочестия, не способного противостоять миру и растворяющегося в своих личных отношениях с Богом. Существует монашеский путь, который, начиная с III и IV вв. н. э., всегда был притягателен, особенно для бедных и неимущих. Вероятно, наиболее тонкой и распространенной тенденцией является тенденция психологическая: христиане не могут противостоять проблемам этого мира, потому что эти проблемы слишком огромны и слишком мрачны, следовательно, надежнее вообще не пытаться их решать. Самое яркое проявление такой позиции – это когда (при постоянном проведении встреч между христианами) верующие не желают даже попытаться установить отношения с неверующими.

Коринфские христиане не были исключением. Правило, которое отстаивает Павел, просто и ясно: «...строгая дисциплина внутри и полная свобода в отношениях с теми, кто вовне»¹. Важно отметить: несмотря на особую остроту вопроса о распространении блуда (*porneia*), о котором упоминается в этой главе, Павел не стремится представить коринфя-

нам какой-либо перечень грехов по степени их серьезности. В ст. 10, 11 он перечисляет некоторые из них, в равной мере противостоящие Божьим заповедям как вне церкви, так и внутри ее. К каждому из грехов надо относиться с одинаковой серьезностью, если он постоянно совершается в христианской общине. На каждый надо обращать особое внимание – и потому, что он всегда остается актуальным, и потому, что можно легко начать относиться к некоторым грехам не так внимательно, как к остальным.

Павел говорит о пяти аспектах поведения – сексе, деньгах, собственности, пьянстве и злоречии, – в которых постоянное нарушение христианских норм требует дисциплинарных мер воздействия. Ясно, что сегодня христианская церковь самым серьезным образом призвана решительно заявить о своей особой позиции в области половых отношений...

а) *Жадность*. В меньшей степени это относится и к *жадности*. Греч. слово *pleonexia*, которое обычно переводится как «алчность», имеет смысловой оттенок, выражающийся в том, что человек стремится заполучить все больше и больше, совершенно не удовлетворяясь тем, что у него уже есть. Если бы нам пришлось проводить опрос среди христиан стран третьего мира о том, какой грех в западной церкви является наиболее характерным и разрушительным, ответ был бы однозначным – «алчность». Вот пример из жизни Мартина Лютера: «Лютер грозил отлучить от церкви человека, который, купив дом за тридцать гульденов, решил продать его за четыреста. Лютер предложил цену в сто пятьдесят гульденов, считая ее разумной. Инфляция, разыгравшаяся в тот период, повысила цены, но выгода, которую собирался заполучить этот человек, была чрезмерной, и Лютер, привыкший называть вещи своими именами, прямо заявил, что такая безудержная жадность – грех, требующий наказания»⁷⁰. Вряд ли можно привести более наглядный (или более уместный для XX в.) пример того, сколь всеобъемлющей должна быть истинная церковная дисциплина.

б) *Идолопоклонство*. Следующим примером греха, совершающегося в христианской общине, Павел считает *идолопоклонство* (*идолослужение*) – то, что проникает всюду и в чем очень трудно сознаться западным христианам. Аргентинец Рене Падилла пишет: «Сегодня идола, поработавшие людей, – это идола потребительского общества. Здесь можно назвать следующее: культ роста производства через непоправимое разграбление природы; слепая вера в научно-технический прогресс; частная собственность, воспринимаемая как неотчуждаемое право; хвастовство; стремление выделиться, добиться определенных результатов и успеха. Таковы идола потребительского общества»⁷¹. Поскольку это характер общества, в котором мы живем, мы не можем совсем не обращать на него внимания, по крайней мере, в том случае, когда не возникает необходимости *выйти из мира* (10). Это означало бы полное отрицание молитвы Иисуса об учениках: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин. 17:15). Однако нам надо спросить себя, не таков ли наш уровень церковной жизни вообще (и уровень чистоты и прозрачности взаимоотношений между братьями-христианами, в частности), чтобы, поставив на повестку дня вопросы, которые наметил Рене Падилла, попытаться выяснить, что значит жить самобытной жизнью христианской общины в современном мире.

в) *Злоречие*. Еще один повод для применения церковной дисциплины возникает тогда, когда христианин предается *злоречию* (греч. *loidoros*). В этой связи Баррет говорит о «хулителе»⁷², Моррис – об «оскорбителе... который поносит других»⁷³; затем Моррис приводит слова Христа: «...всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: „рака“, подлежит синадрию; а кто скажет: „безумный“, подлежит

⁷⁰ Quoted by Marlin Jeschke in *Disciplining the Brother* (Herald Press, 1972), p. 76.

⁷¹ R. Padilla, *The New Face of Evangelicalism* (Hodder & Stoughton, 1976), pp. 212–213.

⁷² Barrett, p. 131.

⁷³ Morris, p. 92.

геенне огненной» (Мф. 5:22). Слово «злоречие» имеет особый смысл, заключающийся в оскорблении руководителей, – тенденция, которая сегодня резко заявляет о себе как в западных церквях, так и в западном обществе в целом. Неуважение к тем, кто несет ответственность за других – будь то школьные учителя или преподаватели университета, полиция или политики, родители или судьи, – становится почти повальным. В основном это проявляется на словах и не минует также тех, кому поручено наблюдать за порядком в Божьей церкви. «Злоречивые» люди постоянно всех критикуют, пренебрежительно отзываясь обо всех членах христианской общины. Они выдают глубоко укоренившийся бунт против всякого авторитета и не хотят менять своего поведения (ср.: 2 Пет. 2:9—22).

г) *Пьянство*. С осуждением воспринимает Павел и христианина, вина которого заключается в том, что он — *пьяница*. С таких людей надо взыскивать наравне с теми, кто упорствует в блуде, в безудержной алчности или в оскорбительном пренебрежении к авторитету. Несерьезное отношение к греху пьянства может легко проникнуть и в церковное братство. Такой подход (во многом отражающий решительную перемену во взглядах в сравнении с установкой на трезвость, широко распространенной сразу после войны) заставляет всерьез задуматься, ибо потребление алкоголя в британских семьях резко возросло в последние годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.